

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Учебное пособие

Учебное пособие дает представление об основных категориях диалектики с позиции их универсальной взаимосвязи, способности, при соответствующих условиях взаимоперехода друг в друга. Работа может быть использована при выполнении тестовых заданий.

Учебное пособие рекомендуется студентам всех специальностей.

Введение

На уровне обыденного сознания философия нередко ассоциируется с многословием. «Мели Емеля» это и есть философия. Пустопорожнее, обильное словоизвержение с использованием мудреного набора слов и понятий как бы компенсирует его бессодержательность и бесплодность. Но к философии как, впрочем, и к науке, подобного рода фонтанирование не имеет малейшего отношения.

Язык науки – язык наиболее общих понятий, язык категориальный, язык строгого и точного смыслового использования в определенном значении. Начиная с Аристотеля, категории трактуют как наивысшее обобщение и отражение объективной реальности. Но это итог, а путь к нему, по Ленину, отнюдь не прямолинейный: «Сначала мелькают впечатления, затем выделяется **нечто**, – потом развиваются понятия качества...(определение вещи или явления) и **количества**. Затем изучение и размышления направляют мысль к познанию тождества – различию – основы – сущности ...» [1, с. 301].

Студенту нет необходимости повторять исторический путь познавательной деятельности. Задача его проще, уверенно и осмысленно усвоить понятийно-категориальный аппарат и адекватно использовать в учебном процессе. Возникающие трудности и сомнения в этой части преодолимы – краткие и энциклопедические словари, десятки и сотни учебников, учебных пособий, первоисточники – все это под рукой. Дело за немногим – стремлением овладеть этим богатством.

Данное учебное пособие преследует ту же цель – помочь студенту советами и указаниями. Необходимость эта налицо. Различные формы тестового контроля выявляют существенные пробелы в освоении языка философии. С другой стороны, неумение использовать этот язык при анализе явлений действительности как бы компенсируется «оригинальностью», «смелостью» суждений субъекта.

Современная наука, выдвигая новые мировоззренческие проблемы, стимулирует острые дискуссии, в их числе возможность использования «старых» категорий, их, так сказать, «проверку» на дееспособность, соответствие изменившимся условиям и обстоятельствам. Подобного рода материалы находят отражения на страницах философских журналов.

В виду ограниченности объема, пособие не претендует на полноту охвата всех основных категорий, и, тем не менее, автор надеется, что работа станет полезным подспорьем при подготовке студентов к различным формам учебного контроля и анализе явлений материального и духовного мира.

1 Вокруг категорий диалектики

Воспользуюсь определением «категории», обратившись к «Краткому философскому словарю» под ред. М. Розенталя, П. Юдина, хотя бы потому, что книга постоянно под рукой как напоминание о далеком 1959-ом. Возвращаясь из краткосрочного отпуска через Акмолинск к месту постоянной службы, заглянул в скромный домик книжного магазина, где и приобрел упомянутый том, скрашивающий в последующие годы неудобства землянок и нар, неприхотливую солдатскую пищу, солончаковую белизну сапог, круглосуточную работу по строительству жилья и всего того, без чего невозможен полноценный быт обслуживающих южный ракетный щит страны. Ради этого десятки тысяч солдат и офицеров, членов их семей переносили тяготы службы, испепеляющий зной, зимние пронзительные ветры и, видимо, ради того чтобы сегодня уцелевших в г. Приозерске вымаривали холодом, как тараканов в русских избах.

Присниться не могло, что буду слушать лекции по диалектическому материализму и спецкурс по «Диалектике «Капитала»» в исполнении соредатора «Словаря» – Марка Моисеевича Розенталя. Потом были его похороны. Прощальное слово сына, тоже философа, было предельно кратким. «Когда кто-то умирал из близких или знакомых, отец говорил: «Диалектика!». Так будь же ты проклята диалектика!» Диалектика, которой десятилетия верой и правдой служил ученый.

Диалектика, как и любая наука без понятий, законов, всего лишь оболочка. В процессе познания объективной действительности у людей складываются определенные представления о свойствах и связях предметов, явлений внешнего мира, закрепленных в понятиях и категориях. Каждая категория является понятием, но только те понятия приобретают категориальный статус, которые обладают характером всеобщности, то есть применимы ко всем явлениям действительности. В вышеупомянутом «Словаре» дается следующее определение: категории – «основные логические понятия, отражающие наиболее общие и существенные свойства, стороны и отношения предметов и явлений действительности» [2, с. 180].

В «Философском словаре» под редакцией этих же ученых и участия 182 соавторов в определении «категории» сохраняется преемственность. Категории – «основные понятия, отражающие наиболее общие и существенные свойства, стороны явлений действительности и познания» [3, с. 191]. В данном определении опущено лишь понятие «логическое», думается, по одной причине:

как бы не заподозрили авторов в сползании на позиции неопозитивизма. В идеалистической философии категории рассматриваются как продукт чисто логического мышления, как первопричина мира.

В учебнике «Диалектический материализм», подготовленном авторским коллективом кафедры «Диалектического и исторического материализма» ВПШ при ЦК КПСС, при определении категории оговариваются философские рамки категории развития, соответственно упор делается на момент развития. «Категориями материалистической диалектики называются основные понятия, отражающие особые и существенные стороны и отношения диалектического развития предметов и явлений действительности» [4, с. 238].

Автор популярного в 70-е годы прошлого века «Курса марксистской философии» А. Спиркин констатирует, что знания об окружающем мире и о самом себе человек получает в форме понятий и категорий. В сноске уточняет, что «Категории – это наиболее общие и фундаментальные понятия той или иной науки, философии. Все категории суть понятия, но не все понятия – категории» [5, с. 153].

В конце главы «Категории диалектики» автор для особо любознательных, приводит список дополнительной и использованной литературы, на начало 70-х годов прошлого века всего 35 наименований.

Это к тому, что проблема категории, как и других компонентов философии, активно разрабатывалась, и нет никаких оснований говорить о застое мысли в советский период. Сомневающимся рекомендую открыть книгу А. П. Шептулина «Категории диалектики». Этот спецкурс прочитан автором в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ, то есть для профессионалов. Уже по названию первого раздела «Проблема взаимосвязи категорий диалектического материализма» нетрудно предположить, под каким углом зрения будут рассматриваться категории.

Категории – понятия, отражающие «всеобщие формы бытия, всеобщие стороны и связи объективной действительности. Раскрыть богатство содержания философских понятий, а вместе с этим и всеобщих сторон и связей действительности, возможно только в том случае, если мы будем рассматривать эти понятия в их взаимосвязи и взаимозависимости, если мы построим систему, в которой каждое из них будет занимать строго определенное место и находиться в необходимых соотношениях со всеми другими» [6, с. 4].

Очевидно, это не определение «категории», а основных направлений исследования. Аргументируя свою позицию, автор постоянно апеллирует к В. И. Ленину, его «Философским тетрадам». «Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [1, с. 85]. В. И. Ленин подчеркивает, что «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а доказывая)» [1, с. 86].

По мнению А. П. Шептулина один из основных недостатков существующей литературы о категориях является то, что они рассматриваются вне их необходимой взаимосвязи и взаимозависимости, одна рядом с другой, а в ряде случаев в виде буквального отождествления одной категории с другой. Он справедливо отмечает, что в опубликованных пособиях по диалектическому материализму «нет какой-то единой, научно обоснованной структуры изложения материала. Каждый автор стремится дать свою, отличную от других, последовательность изложения всеобщих диалектических закономерностей и связанных с ними понятий» [6, с. 11].

Число парных категорий варьирует в пределах от 4 до 9, но чаще в рамках 5 – 6. Так, в учебнике «Основы марксистско-ленинской философии» их 6: «единичное, особенное, общее», «причина и следствие», «необходимость и случайность», «возможность и действительность», «содержание и форма», «сущность и явление» [7, с. 112 – 134].

А. Г. Спиркин в книге «Курс марксистской философии», кстати, не рекомендованной, но фактически являющейся учебником рассматривает 8 категорий. Дополнительно рассмотрены «часть и целое, система и её элементы», «внешнее и внутреннее», границы категории «содержание и форма» раздвинуты и выглядят так: «содержание, структура и форма, симметрия и асимметрия» [5, с. 161 – 169]. Реальное число категорий не сводится к перечисленным в учебниках, но в сознании студента, читателя так оно и есть. Всё, что за пределами перечня – не категория.

Учебник А. Г. Спиркина «Философия» [8], рекомендован для вузов и востребован студентами, как и сорок лет назад. Поскольку это не предмет нашего анализа, позволим лишь некоторые замечания. В некрологе о А. Г. Спиркине [9] отмечается: «Его перу принадлежит один из лучших, в своё время, учебников по философии дважды

переиздававшегося в 70-х годах прошлого столетия». Почему неточное название, не «Курс марксистской философии», а «Философия»? Ответ просматривается в содержании и структуре последнего учебника. В первом разделе «История философии» о марксистской философии ни слова, лишь в последующем К. Марксу и Ф. Энгельсу отводится страничка. Для сравнения – Шпенглеру, Веберу и другим по полторы страницы, а В. И. Ленину с Г. М. Плехановым меньше четвертинки. В книге 1966 года едва ли не на каждой странице «поклон» классикам, особенно В. И. Ленину. В 2004 году на 730 страницах число ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса – 16, В. И. Ленина – 4, Ф. М. Достоевского – 26, Н. В. Гоголя – 3, А. Д. Сахарова – 2. Здесь же сообщается (это так важно), когда Ленин приехал прощаться с умирающим Плехановым, тот не подал диктатору руку и далее вполне в духе антикоммуниста А. И. Солженицына.

За что такая немилость, переросшая в ненависть со стороны члена-корреспондента РАН? С первых послевоенных и до последних дней А. Г. Спиркин сотрудник Института философии, зав.редакцией философии и зам.редактора «Философской энциклопедии». А может, в этих строчках биографии? «С 1941- по 1945 – политзаключенный».

Категории в учебнике А. Г. Спиркина (2004 г.) не выделяются в качестве самостоятельного параграфа или главы, растворены в законах диалектики, а сами законы философии сведены к категориям. «Каждая из категорий отражает какой-либо закон, принцип бытия сущего, а все вместе они охватывают мир как целое, отношение человека к миру» [8, с. 263].

Почему А. П. Шептулин не отдал должного «политзаключенному» А. Г. Спиркину, мы не знаем, но другому – Е. П. Ситковскому досталось, хотя он достаточно обосновано выступил по вопросу взаимосвязи категорий. По Е. П. Ситковскому, при разработке системы категории, необходимо исходить только из тех связей и отношений, которые имеются в познании. Воспроизведя их мы тем самым воспроизведем действительные всеобщие связи и отношения. [10]. «Данная точка зрения, - отмечает А. П. Шептулин, - не является правильной. Не все связи, отношения познания соответствуют действительности, в познании есть такие связи, отношения, которые свойственны только ему и отсутствуют в действительности» [6, с. 14]. Критик аргументирует свою позицию элементарным рассуждением. В объективной действительности процесс развивается от сущности к явлению, от причины к следствию, от необходимого к случайному и т. д. В познании наблюдается прямо

противоположное. И что Е. П. Ситковский об этом не знал. Он один из первых в отечественной философии стал разрабатывать проблему обоснования и систематизации категорий диалектики, опубликовав в 1941 году «Категории марксистской диалектики».

После окончания института Красной профессуры (1933 г.) до начала войны работал зав. философским отделом журнала «Под знаменем марксизма», затем в Военно-политической академии, начальником политотдела в армии Рокоссовского. Е. П. Ситковский репрессирован (1943-1953 гг.) и в полную меру испытал на лесоповале издевательства, голод, тяжелый труд. Реабилитирован, работал в журналах «Вопросы философии», «Проблемы мира и социализма». С 1962 года профессор кафедры философии АОН при ЦК КПСС, на протяжении 10 лет (1960-1970 гг.) – член редакционной коллегии «Философской энциклопедии». Был ответственным редактором и написал предисловие к трехтомной гегелевской «Энциклопедии философских наук» [10, с. 181-183].

В юбилейной статье отмечается его лекторский талант. Об этом могу судить не понаслышке. Евгений Петрович входил в аудиторию ставил на стол тяжелую кирзовую сумку и как бы оправдываясь, объяснял: «Жена просила, ты там, в центре купи кефир, молоко, мяса. Все-таки там за качеством и смотрят получше». Ему было около 75-ти. Среднего роста, крепко сбитый, скульптурные черты лица, редкий седой ежик. В клетчатой рубашке без галстука под дешевеньким пиджаком, в белую и коричневую нитку. Встретишь такого на Садово-Кудринской с хозяйственной сумкой, и в голову не придет, что это доктор философских наук, профессор. Но проходит минута... «Так на чем мы остановились?». Не громко и не торопливо, но не бесстрастно академически а эмоционально; без текста, но будто по-писанному, ведет речь о хитросплетениях гегелевской философии, и для слушателей-аспирантов это уже не тайна, а нечто их собственное. Этот блестящий стиль изложения сложнейших вопросов как бы воспроизводит логику мысли Энгельса, изложенной в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Е. П. Ситковский был и до конца своих дней остался марксистом.

В изложении А. П. Шептулина досталось и другому члену редколлегии «Философской энциклопедии» В. П. Тугаринову. В своей работе по категориям [12] Тугаринов утверждает, что «человеческое познание ... идет от представлений о мире в целом к изучению отдельных явлений и их свойств, к выявлению все более глубоких и общих их соотношений» [6, с. 16-17]. А. П. Шептулин не согласен с этим утверждением и заявляет, что ни история философии, ни история

отдельных наук не свидетельствует об этом, поэтому и предложенная В. П. Тугариновым классификация категорий не соответствует не только диалектическим принципам, но формально-логическим. При дальнейшем углубленном рассмотрении проблем взаимосвязи категории в жернова критики А. П. Шептулина попала еще дюжина философов. Ни одному из них не удалось не то чтобы выстроить, даже заложить фундамент системы категорий диалектики.

В дальнейшем автор стремится ответить на вопрос что должно лежать в основе системы категорий диалектического материализма и какие категории должны быть исходными в системе? А. П. Шептулин утверждает, и с этим мы согласны, что основные принципы построения системы сформулированы и применены К. Марксом в «Капитале», а именно: 1) восхождение от абстрактного к конкретному и 2) единство исторического и логического.

Исходными категориями в «Капитале» должны быть те категории, «которые отражают основные всеобщие стороны и связи исследуемого объекта, но применительно к философской науке все эти принципы действуют в иной специфической форме» [6, с. 65]. Казалось бы, чего проще экстраполируй указания Маркса на категории диалектического материализма и начни с тех, что определяют основную сторону или отношения. В диалектическом материализме, как и в философии в целом, основной вопрос – вопрос о том, что первично материя, природа или дух, сознание. Поскольку это так, то категория материи и сознания относится к основным определяющим. Однако основными, определяющими отношениями в объективной действительности классики марксизма считали взаимоотношения между противоположными сторонами, т.е. закон единства и борьбы противоположностей, и, следовательно, категории этого закона нужно отнести к исходным. В соответствии с этой логикой к основополагающим относятся категории общественной практики.

Проанализировав три основных начала, А. П. Шептулин приходит к выводу, что «при разработке системы категорий диалектического материализма необходимо исходить из основного вопроса философии и практики и из объективного соотношения отражаемых категориями всеобщих форм бытия, всеобщих сторон и связей действительности» [6, с. 71].

Рассматривая вопрос о принципах построения системы категорий, А. П. Шептулин опирается на известный ленинский тезис – «Сознательный человек выделяет категории суть ступеньки

выделения, т.е. познание мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею». [1, с. 85].

И тут же обвиняет некоторых авторов, что они «не признают **никаких других ступеней, узловых пунктов развития познания истины**, (выделено С. Н.) кроме живого созерцания, абстрактного мышления и практики» [6, с. 71].

Но о каких-то других ступенях, кроме отмеченных, речь не идет, скорее о метафизическом подходе при рассмотрении перечисленных ступеней – их обособленности, изолированности, отсутствии глубокого анализа, внутренних связей между ними.

Другой важнейший принцип, лежавший в основе построения системы категории – принцип тождества диалектики, логики и теории познания. В. И. Ленин вряд мог предположить какие страсти (дискуссии) будут кипеть вокруг его тезиса – «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо трех слов: это одно и то же]» [1 с. 301].

«Это одно и то же» означает полное совпадение содержания диалектики, логики и теории познания или все же они сохраняют известную самостоятельность, то есть находятся в диалектическом тождестве, предполагающем различие тождественного.

Наиболее обстоятельно первая точка зрения аргументирована Виталием Ивановичем Черкесовым. Его монография опубликована в 1962 году [13], а в 1965 присвоена степень доктора философских наук. Виталию Ивановичу как научному руководителю моей дипломной работы «Необходимость и случайность» обязан многим. Был он требователен, жестко контролировал ход работы и в тоже время помогал советами, вселял уверенность. На снятых листочках перекидного календаря в карандаше, не скрывая раздражения, отмечал: «Вы пишете небрежно, поэтому непонятно. В следующий раз читать не буду», или «То, что Вы предложили, не может быть дипломной работой. Предлагаю подумать над планом и рекомендую включить...». Каков результат? Оппонировал философ, доктор педагогических наук Ф. И. Георгиев. Накануне защиты сказал: «Работа мне понравилась, могу рекомендовать Вас в аспирантуру».

Вторая точка зрения получила развитие в работе И. С. Нарского [14]. Слушал его великолепные лекции, отличающиеся «железной» логикой и законченностью. Он располагал к себе какой-то интеллигентской беззащитностью. В отличие от Е. П. Ситковского, был всегда подтянут, в строгом костюме, при галстуке. Короткая шея, короткий жесткий ежик, короткие белые пальцы и особенно очки с толстыми стеклами говорили о том, что он работает за столом. Так

оно и было, едва ли не каждый год выдавал по книге. По-прежнему читал лекции студентам и аспирантам, одним словом, – ученый. Как-то минувя гигантскую стенную газету, сооруженную в Академии кафедрой журналистики ко Дню Победы, зацепился взглядом за пожелтевшую фотографию двух офицеров. Читаю и глазам не верю: майор И. С. Нарский в годы войны командовал разведподразделением, десятки раз переходил линию фронта, доставлял «языки» и ценную информацию. Уцелел, знать, владел не только огнестрельным, но и холодным оружием, был хорошим аналитиком. Награжден 4-мя боевыми орденами. Таким интеллигентом можно только гордиться.

Однако, вернемся к А. П. Шептулину. В соответствии с исходными принципами, выявленной спецификой и закономерностями взаимоотношений категорий, система категорий должна и начинается с материи и сознания. В главе «Всеобщие формы бытия и ступени развития познания» рассмотрены следующие категории: «отношение, движение и покой», «единичное, особенное и общее», «качество и количество», «причина и следствие», «необходимое и случайное», «содержание и форма», «сущность и явление», «основа и обоснование», «противоречие», «диалектическое отрицание, отрицание отрицания», «возможность и действительность». Этот блок не эталон, но тем не менее присутствует в работе позднего А. Г. Спиркина. Уже отмечалось, многим исследователям категорий от А. П. Шептулина «досталось», порой не в дипломатической форме. Вот и думай, почему, откуда такая смелость. Может потому, что в описываемые годы (1969) А. П. Шептулин был начальником отдела преподавания общественных наук и членом коллегии Министерства высшего и среднего образования СССР. Но не это главное, а как воспринята и как заявила о себе в философском мире предложенная им «Система категорий».

В «лебединой песне» советской учебной литературы по философии «Введение в философию» в 2-х частях под редакцией И. Т. Фролова имя А. П. Шептулина не упоминается, нет его и в списке литературы к категориям. Обошли. Но куда важнее, повлияла ли работа А. П. Шептулина на категориальный ряд, принципы и систему категорий? Скажем... не ощутимо. Пишущие по категориям каждый себе на уме.

Выделим категориальный аспект в учебниках, имеющих в библиотеке вуза. Так, в работе под редакцией В. Н. Лавриненко в главе «Диалектика» рассмотрены вклад Г. Гегеля, К. Маркса и

Ф. Энгельса в обоснование законов диалектики. Делается вывод, что категории не основные законы диалектики [15, с. 270]. Напомню, у А. Г. Спиркина «каждая из категорий отражает какой либо общий закон» [8, с. 263]. Понятия «основной», «общий» не синонимы, тогда тем более вопрос о соотношении закон – категория, остается открытым.

В учебнике под редакцией И. Т. Фролова говорится о том, что категориальные связи постоянно осмысливаются как диалектические закономерности» [16, с. 107].

Выделяются группы категорий, выражающих «устройство», «организованность» бытия и ряд категорий, отражающих универсальные связи детерминизации. После рассматриваются те из парных категорий, которые раскрывают содержание законов диалектики.

Примерно такая же последовательность изложения и в учебнике П. В. Алексеева, А. В. Панина. Сначала характеристика категорий, затем законов. Авторы не смущает факт признания ими несостоятельности (анахронизмом) определения философии как «науки о наиболее общих законах развития», принятия предметом философии «всеобщего в системе мир - человек. Далее – выяснение содержания «всеобщего» и, наконец, «Философия – это система взглядов на мир в целом и на отношение человека к этому миру» [17, с. 50, 51]. Еще одна особенность учебника это приложение «Философия в условиях тоталитаризма». Здесь П. В. Алексеев как бы оправдывается за положительно-объективистское изложение марксистской философии. Дескать, теория – это одно, а вот практика...

«В наши дни можно отметить два основных направления в развитии категории современной философии: первое из них – конкретизация, углубление содержания и функций старых категорий под воздействием происходящих новых процессов, второе – формирование новых категорий» [18, с. 297].

То и другое направление можно обнаружить при анализе публикаций журнала «Вопросы философии» за последние десять лет, при той существенной оговорке, что «старые категории» опредмечиваются преимущественно в сфере общественного бытия, а новые при изучении явлений природы и сознания.

Подведем некоторые итоги. В учебной философской литературе советского периода излагалось устоявшееся, не дискуссионное, что в условиях монотеоретической модели образования получалось как бы естественно. Плюралистическая модель образования (каждый учебник с претензией на новое слово в философии) воспринимается далеко не

положительно. Главная причина усматривается во внедрении современных форм контроля за качеством образования. Тестовые задания, составленные на базе российских учебников (число которых постоянно растет), ставят в тупик не только студентов но и преподавателей по угадыванию ответов угодных составителю. Поскольку большинство тестов направлено на выяснение знания понятий и категории, становится понятным, насколько актуальна эта проблема в учебном процессе.

2 Материя, но не ткань...

Автор монографии «Категории диалектики» А. П. Шептулин, начинает изложение системы категорий из материи и сознания. Он утверждает, что раскрыть содержание других категорий, их взаимосвязь и взаимообусловленность в иной последовательности просто невозможно. Категории представляются как особый вид понятий, отражающих во всех формах и проявлениях бытие. Из всех форм наиболее распространенным является материальное бытие. В материалистическом мышлении аналог бытия – субстанция, материя.

Вспомнилось, как на первом курсе аспирантов «обрадовали» общей темой исследования, смутив лишь одного, окончившего физмат. Ему не завидовали, знали, что предложенная категория «материя» была «изъезжена» вдоль и поперек, и, во-вторых, руководитель аспиранта Анна Ивановна Корнеева имела репутацию женщины педантичной, требовательной, жесткой. Она-то и поставила задачу еще до защиты опубликовать, в законченном виде, результаты диссертационного исследования. В издательстве «Мысль» в объеме 5 печатных листов вышла работа Н. Г. Бондарь «Методологическое значение ленинского принципа неисчерпаемости материи» [19]. Цена успеха аспиранта – прободная язва, операция. Не он первый и не последний. Наука требует жертв. На «материи» оттачивали свои перья многие поколения философов. В связи с этим возникает вопрос: с чего начинать? С момента зарождения представлений о материи (история понятия) или ограничиться итогом, то есть современными представлениями о материи. Классический учебник относительно свободно синтезирует эти подходы. Но как выдержать пропорции в аудитории, когда на лекцию отводят не часы, а один час. В этой сложной ситуации могут помочь учебные пособия типа «конспект лекции» [20].

В формировании представлений о материи выделяют 3-4 этапа. Античные натурфилософы отождествляли материю с наиболее

распространенным видом вещества. Так, Фалес – с водой, Анаксимен – с воздухом, Гераклит – с огнем, Демокрит – с атомами. Для Аристотеля материя – единство четырех «стихий»: огня, воды, воздуха, земли. Первая попытка преодолеть отождествление материи с конкретным веществом сделана Анаксимандром. В основе всего сущего – «апейрон» – «беспредельный, безграничный, бесконечный». Такое понимание близко даосистскому, где «дао» – вечно, несотворимо, вездесуще.

В философии Нового времени под материей понимают некое однообразное вещество – начало (субстанция) с такими свойствами как телесность, масса, плотность, протяженность. Для Декарта единственное свойство материи – протяженность: «материя, природа которой состоит только в том, что она – вещь протяженная» [21, с. 359].

В соответствии с воззрениями Д. Бруно, Б. Спинозы материя – это субстанция, мир в целом, то есть материя равна природе.

Для французских материалистов эпохи Просвещения материя – система всех существующих тел и их свойств. Под словом «материя» писал К. Гельвеций, – «следует понимать совокупность свойств, присущих всем телам» [22, с. 172]. Гольбах и Дидро обращали внимание на то, что материя отражается не только в наших ощущениях, но и вызывает эти ощущения. Протяженность, плотность, непроницаемость не являются единственными свойствами, присущими всем телам, можно предположить, отмечает Гельвеций в них «способность ощущения». Материя – тело вообще, а не то, что оно есть, вещь твердая, весомая, окрашенная.

С каждым новым этапом в развитии философии и науки понятие материи становилось все более абстрактным. В соответствии с этим критерием то определение материи, которое дает В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм», неперестроившиеся философы относят к классическим. «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в его ощущениях, которое копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [23, с. 131]. Классическая в том смысле, что признается не только марксистами, но и противниками, со ссылками или без них, на В. И. Ленина. Можно быть уверенным, если в учебнике имеется хотя бы одно упоминание о Ленине, то в связи с определением «материи». Сколько было попыток углубить, осовременить ленинское определение материи, в лучшем случае достигался потолок французского Просвещения. Это при том,

что современная наука в вопросах строения материи и в уровнях ее организации продвинулась далеко вперед.

В неорганической природе выделяют следующие структурные уровни: элементарные частицы, атом, химический элемент, молекулу, планеты, планетные системы, галактики, системы галактик; в органической природе: доклеточный уровень, клетку, многоклеточные организмы, популяцию, биоценоз, биогеоценоз.

В некоторых философских трудах, да и в естествознании встречаются утверждения о конечности уровней материи. Если иметь в виду, что каждый структурный уровень материи представляет собой бесконечное многообразие объектов, явлений и процессов, то вопрос о конечном или бесконечном числе структурных уровней материи не ставит под сомнение качественную и количественную неисчерпаемость материи.

Поскольку материя существует в своих бесконечных формах, со стороны исследователей предпринимаются попытки классифицировать качественное многообразие форм по определенному типу – целостности, характеру взаимодействия, генетическим связям. Н. Г. Бондарь отмечает интересную, и во многом спорную попытку классифицировать формы материи, исходя из классификации форм движения, предложенную В. В. Орловым [24, гл. 4].

Для Н. Г. Бондаря может и принципиально, что с такой классификацией «нельзя согласиться». Только не для Т. И. Ойзермана, усмотревшего в исследованиях материи В. В. Орловым определенную философскую культуру, профессионализм. Он так и говорит: «Коллега Орлов», в отличие от В. С. Семенова, является «философски образованным человеком» [25, с.110]. Так вот этот «философски образованный» по всему фронту «материи» дает бой академику Т. И. Ойзерману.

Чтобы было понятно о чем речь вынуждены остановиться на обстоятельствах и атмосфере дискуссии, состоявшейся в середине 2003 года в редакции журнала «Вопросы философии» [25] по обсуждению книги Т. И. Ойзермана «Марксизм и утопизм». Отголоски этой дискуссии обнаруживаются и в диалоге Т. И. Ойзермана с Л. Н. Митрохиным [26]. Участники дискуссии академики, доктора философских наук дали высокую оценку работе Ойзермана. Для В. А. Лекторского эта книга – событие, «нравственный поступок»; В. И. Кудрявцев видит заслугу автора в том, что он объективен в оценке Маркса и Энгельса, их сторонников и противников; В. М. Межуев считает, что книга Ойзермана «опыт научной критики марксизма»; В. Г. Федотова, как говорится,

переплюнула всех – «выдающееся сочинение»; Ф. Г. Михайлов – «фундаментальный труд»; И. К. Пантин убежден, что Т. И. Ойзерман защитил Маркса и марксизм от либералов (упаси нас бог, от таких защитников).

Обедню испортил В. С. Семенов, вконец раскритиковавший «выдающееся сочинение», показав, что реальное содержание книги подводит к мысли и заключению, «что марксизм в главном, в основном в своих частях и в целостности именно утопичен». Т. И. Ойзерман полвека воспевал марксизм, защищал от критиков и противников, доказывал, что марксизм – высшее достижение философской и научной мысли и наконец к своему 90-летию прозрел: марксизм – это утопия.

Если бы Теодор Ильич, будучи заведующим кафедрой истории зарубежной философии, философского факультета МГУ так откровенничал перед студентами... Трусил, боялся, хотя по свидетельству Л. М. Митрохина боевой офицер (6 орденов не на ташкентском фронте). В лекциях Т. И. Ойзерман не выходил за рамки доступного, повторяющегося, тривиального, поэтому мое умение стенографировать оказалось не востребованным. О лекторе сохранилось лишь одно воспоминание: полный рот золотых зубов и рубленые фразы. «Смелчак» утверждал, что он показывал «зубы» уже в советское время. Согласимся, но с оговоркой, в эпоху «верного ленинца» Мишки Меченого. Более того, в упомянутой беседе с Митрохиным он делится потаенным. Ему в выпускную школьную характеристику вписали, что он к советской власти относится враждебно. Дальновидные были учителя. И, тем не менее, ненавидя, пресмыкаясь и лицемеря дослужится до академика. Если бы только он! Поскольку В. М. Семенову возразить Ойзерман ничего не может, то использует известный прием «сам дурак». Разве может быть ученым человек, признающий коммунизм за науку?

Перед В. В. Орловым пришлось юлить, изворачиваться, доказывать недоказуемое вроде того, что «диалектический материализм не дал своего философского понятия материи» [25, с. 136], а предложенное В. И. Лениным философское понятие материи не является новым.

С Т. И. Ойзерманом солидаризируется его подчиненный В. В. Соколов «Западно-европейскую философскую классику Ильич, в общем, знал попугайски, к тому же стремился подчинить ее своей пресловутой партийности. Таково в целом его самое фундаментальное творение «Материализм и эмпириокритицизм». Здесь он, в частности, почти буквально повторяет эмпиристско-сенсуалистское определение

материи Гольбаха как «объективной реальности, данной нам в ощущении, трансформируя этот принцип в пресловутую теорию отражения» [27, с. 141].

Оставим В. В. Орлову защиту диаматчика В. И. Ленина от упомянутых историков философии. Отметим, что лекции самого В. В. Соколова для заочников-философов – рутинное дело. Ничего запоминающегося, разве прием экзаменов. У председательствующего В. В. Соколова студенты получали билеты, а экзамен сдавали одной из пяти приемных комиссий, занявших место в огромной аудитории. Экзаменующиеся прежде всего стремились попасть к В. Ф. Асмусу, философу с дореволюционным стажем, в высшей степени вежливым педагогом. «Извините, пожалуйста» – это норма общения со студентом. Студентов привлекала не только культура, знали для Валентина Фердинандовича самая низкая оценка – «хор». Вот и выстраивалась к нему очередь, в то время как другие комиссии отсиживали. Василий Васильевич не церемонился, называл фамилию и «жертвенная овца» плелась к столу, где, в лучшем случае, ее ожидал «уд». Вот как комментировал эту комическую ситуацию заочник, будущий д.ф.н. Семушкин: «Василия Васильевича либерализм Асмуса выводил из себя. Переноса из зачетки в ведомость оценки В. Асмуса, он с каждым «хор» и «отл» мрачнел и повышал голос: «Валентин Фердинандович!». И когда Соколов готов был сорваться, Асмус поворачивал к нему седую гриву: «Успокойтесь Василий Васильевич, не нервничайте, не знают сегодня, узнают завтра. У них все еще впереди». Если В. И. Ленин в истории философии, по Соколову, «попугайчик», то каков уровень требований к студенту и какова самооценка крестьянского сына Васи Соколова собственных достижений.

В учебном материале нет возможности и необходимости следовать за В. В. Орловым, вникать в детали тончайшего анализа несостоятельности утверждений Т. И. Ойзермана. Но о некоторых принципиальных моментах нельзя умолчать. Главный смысл ленинского определения материи не в признаке «данности», а в понятии «объективной реальности». К этому понятию В. И. Ленин обращается постоянно. Ибо «единственное свойство материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» [23, с. 275].

Попытка подменить основной признак материи «чувственной данностью», как это делает Т. И. Ойзерман, ставит под вопрос саму суть марксистско-ленинской философии. «Чувственная данность», как

показал В. И. Ленин, - единственная возможность определения материи. То есть материю можно определить через противопоставление материи сознанию. «Важнейшей особенностью такого подхода, - отмечает В. В. Орлов, - является то что бесконечный мир противопоставляется его универсальной, всесторонней и всеобщей противоположности- сознанию вообще. Только в таком универсальном отношении сущность бесконечного мира реально выражена и может быть схвачена» [25, с. 100]. Только в таком противопоставлении материя выступает первичной, сознание вторичным, производным. И тут же В. И. Ленин подчеркивает, что противоположность материи и сознания «имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах данного основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным» [23, с. 151].

В этом смысле противоположность материи и сознания абсолютна, а за его пределами относительна, поскольку сознание не является чуждым материи, сходно, едино, тождественно с материей. «Центральным моментом этой концепции,- отмечает В. В. Орлов, - является теоретическое «удержание» материи в противоположности и единстве с сознанием» [25, с. 100].

Дальнейший анализ позволяет В. В. Орлову показать несостоятельность выводов Т. И. Ойзермана, выявить принципиальные отличия представлений о материи в марксизме с представлениями в прежнем материализме и сделать главный вывод «Открытие способа определения сущности мира, способа определения материи – главное открытие в мировой философии, сделанная марксизмом» [25, с. 101].

Высказанные в дискуссии соображения для Т. И. Ойзермана – «горох об стенку», поскольку в последующей статье «Основные вопросы философии» ниспровергатель догматизма доказывает несостоятельность вывода Ф. Энгельса об одном единственном и высшем вопросе всей философии «Если бы этот вопрос занимал указанное ему Энгельсом место, - вещает Т. И. Ойзерман, - то философией не стоило бы заниматься» [28, с. 47]. Что в философии нарождаются новые вопросы не есть предмет спора, но ставит ли это под сомнение основной вопрос философии. Обратимся к Энгельсу «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей философии, есть вопрос об отношении мышления к бытию... духа к природе... что является первичным дух или природа. Философы разделились на два больших лагеря согласно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те которые утверждали что дух существовал прежде природы, и

которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» [29, с. 282–283].

Доказывая несостоятельность «основного вопроса», Т. И. Ойзерман фактически отстаивает «плюралистическое понимание философии», в соответствии с которым она всегда будет представлять множество различных философских систем и никогда не была и не будет единственной, истинной философией. Другими словами, философия, в том числе и марксистская, не наука, а хаос несовместимых мнений.

В рецензии на учебник «Философия» под редакцией декана философского факультета МГУ В. В. Миронова нет ни одного критического замечания, сплошной восторг, российская высшая школа получила добротный учебник. Но вот то, с чем можно безоговорочно согласиться. «Философия марксизма это своего рода лакмусовая бумажка, которая позволяет говорить о степени объективности того или иного исследователя» [30, с. 178]. Если имеет место тенденциозность, научная недобросовестность, то продолжать чтение – терять время. Вас и по другим вопросам будут пичкать все той же конъюнктурной окрошкой.

Ограничившись понятием «материя», понимаем, что такие ее аспекты, как атрибуты, формы остались не раскрытыми. Утешимся тем, что даже в насквозь антимарксистском сочинении, вроде «Всемирная энциклопедия. Философия», «...отдают должное такому факту, «... Ленин один из первых обратил внимание на эволюционные процессы, происходящие в естествознании на рубеже XIX-XX вв.: «кризис физики», «неисчерпаемость электрона» [31, с. 551].

Этого с лихвой хватило, чтобы имя В. И. Ленина навсегда осталось в науке и философии. Заканчивая, обратим внимание на истолкование материи не в философском издании. В «Словаре русского языка» [32, с. 302] выделено 4 значения и оттенка материи – философский (вполне в ленинском духе), физический, переносный («говорит о высоких материях»), бытовой, разговорный («тоже что ткань»). Складывается впечатление, что некоторые из высоколобых философов хотели бы завернуть и похоронить в этой ткани наиболее выдающиеся достижения человеческого ума.

3 Осознание сознания

Интереса ради пролистайте несколько десятков современных учебников по философии с целью обнаружения связи сознания с душой. И что – попросту потеряли время. Традиционно категория «сознание» рассматривается в единстве с материей, если где и проскальзывает «душа», то без попытки раскрыть содержание, связи между тем и другим. Объясняется это не идеологическими, а жесткими временными рамками изучения темы, не позволяющими избрать другой путь.

Но есть и другое мнение: «...с приходом к власти большевиков душа оказалась под идеологическим подозрением. Она была цензурно поставлена под запрет... Считалось, что это религиозно-идеалистическое понятие» [8, с. 337]. После столь смелого заявления А. Г. Спиркин в главе «Душа, сознание и разум» пытается ответить на вопрос: «что такое душа»: «Анализируя психику, сознание, мы, по существу, анализируем феномен души» [8, с. 338]. Девяти параграфов философского анализа феномена души для ответа оказалось недостаточно. Автор возвращается к тому же вопросу в главе «Политическая философия» при характеристике крайних форм тоталитаризма, к которому он относит фашизм и сталинизм. Различие между ними только в том, что фашизм истреблял народы завоеванных территорий, сталинизм истреблял собственный народ. После такой артподготовки студент, не пережевывая, проглотит параграф о тоталитарном разложении души. В главе «Духовная жизнь общества» душа субъекта возвышается до уровня общественного сознания. Книгу А. Г. Спиркин завершает проникновенными словами «душа наша».

Ни подвига, ни криминала здесь нет. Только при чем здесь большевики. О душе писали, в том числе в пятитомной «Философской энциклопедии», которую А. Г. Спиркин определяет как «значительную интеллектуальную ценность» [8, с. 222]. В ней опубликована его весьма объемная статья «Сознание», в которой излагается история взглядов на сознание, его материальная основа и идеальная сущность, активность, структура, связи с психикой, самосознание, происхождение сознания и его идеологические предпосылки. Примерно такая же схема изложения «сознания» в большинстве публикаций, при самой общей характеристике. Запуганный большевистской цензурой, Спиркин в упомянутой статье употребляет понятие «души» дважды по причине крайней необходимости. «Спиноза, именовавший сознание термином «дух»,

«душа»», «ум», «мышление» рассматривал его как один из атрибутов субстанции (природы) наряду с протяжением» [33, с.44]. Но в этом же издании в обстоятельной статье А. Петровского, М. Туровского «Душа» излагается историко-философское представление о душе. Для нас важен вывод: «в диалектическом материализме слово «душа» употребляется только как синоним слова «психика»» [34]. Такой же подход в «Философском энциклопедическом словаре»: душа – «понятие, выражающее исторически изменяющиеся воззрения на психику и внутренний мир человека; в религии и идеалистической философии и психологии – понятие об особой нематериальной субстанции, независимой от тел» [35, с. 179].

Следовательно, никакого запрета на употребление понятия «душа» большевики не устраивали. «Другое дело – как понимать феномен души?, - озадачился А. Г. Спиркин, – в рамках учебника мы не можем вдаваться в тонкости этой проблемы» [8, с. 338].

В марксистской философии синонимом сознания является дух. И тем не менее по проторенной дорожке (по крайней мере, в учебной литературе) вперед к пониманию души как «едино-цельного феномена», включающего в себя бесконечность множества чувств, мыслей, желаний, волевых устремлений и целеполаганий. Конечно, это не определение «души», но другого А. Г. Спиркин не дает...

Можно, но вряд ли методически оправданно, говорить о сознании по нисходящей, то есть идти от высших форм к низшим, где, кстати, скороговоркой говорится о теории отражения. Спиркин завершает главу в учебнике и энциклопедии о сознании «психикой животных». Сравним: в конспекте лекций для студентов о сознании первый вопрос – отражение как всеобщее свойство материи и его эволюции, затем понятие «психики» и, наконец, предпосылки возникновения сознания [36, с. 58–60].

В учебнике для аспирантов после рассмотрения проблемы сознания в историко-философской традиции следует – «Отражение и его эволюция. Психика и сознание» [37]. И это логично, за этим традиция.

Отражение – всеобщее свойство материи, выражающее способность взаимодействующих структур воспроизводить взаимные особенности. В учебном процессе воспроизвести все особенности отражения достаточно сложно. Во времена, когда до компьютерной технологии обучения было далеко, широко применялись наглядные и технические средства обучения. Был особый шик дать предельно компактно, схематично философскую проблему. В одном из пособий в помощь преподавателю философии было опубликовано 56 схем,

хотя и не исчерпывающих все узловые вопросы, тем не менее важных для преподавателя [38].

Схема «Отражение – общее свойство материи» наиболее объемна и структурно сложна. Каждому уровню организации материи соответствует определенная форма отражения. Уровень механо-физико-химический, включающий в себя такие модификации, как процессы и результаты перемещения, давлений, деформаций; процессы и результаты тепловых звуковых, электромагнитных, гравитационных и других воздействий; процессы и результаты химических реакций, соединения, разложения и т. д. Второй уровень – биологические структуры материи и соответствующие им формы отражения, такие, как раздражимость микроорганизмов (таксисы) и растений (тропизмы); чувствительность животных (безусловные и условные рефлексы, инстинкты); элементарная психика высших животных (ощущение, восприятие, представление) на уровне инстинкта.

Третий уровень – социальный (высшая форма отражения – познание, мышление человека) возникает на основе трудовой деятельности, общественного способа жизни и языкового общения. Чувственное познание человека (ощущения, восприятие, представление) генетически роднит его и животных, но это не повод для отождествления. Психическая деятельность животных обусловлена их биологической природой и служит для приспособления к внешней среде, тогда как человек изменяет этот мир: теоретическое познание человека (понятие, суждение, умозаключение, воображение) присуще только человеку. Моментом социальной формы отражения является техническое отражение, которое подразделяется на приборное и кибернетическое, то и другое, развиваясь, содержатся в понятии «информация». Информационный подход лежит в основе современной компьютерной революции, возложившей функции передачи и хранения информации машинам. Таким образом, даже элементарное перечисление составляющих форм отражения фактически сводит на нет возможность применения иллюстративного материала, как и рассмотрение существующих теоретических подходов к теории отражения в философской литературе.

Рассматривая категорию «сознание», А. П. Шептулин [6, с. 109-152] аргументированно показывает слабости и в ряде случаев критическую несостоятельность авторов, ставивших под сомнение теорию отражения, что особо присуще некоторым немецким,

чешским, югославским философам. В последние десятилетия к числу критиков теории отражения примкнули наши соотечественники.

Напомню, для В. И. Ленина «материалистическая теория, теория отражения предметов мыслью» [23, с. 109]. Кто сомневается или проявляет непоследовательность в этом фундаментальном вопросе, тот вносит путаницу и в итоге сползает на позиции идеализма. В этой связи представляют интерес ответы на вопросы журнала «Вопросы философии» престарелого философа В. В. Соколова. Человек, полвека с фигой в кармане обучавший марксизму и ленинизму студентов философского факультета МГУ, наконец-то «объективировался» как «антимарксист». Осуждая хамелеонство, пресмыкательство, лизоблюдство, посочувствуем раздвоению личности. Восторгаться тем, что глубоко презираешь и ненавидишь, чему сочиняешь научные оды, это не только личная, но и общественная трагедия, что и подтвердил 1991 год.

Однако, слово Василию Васильевичу, его оценке Ленина и ленинизма в рамках рассматриваемого вопроса. Его выстраданные ответы дают представление о подлинных помыслах профессора: «Западно-европейскую классику Ильич, в общем, знал попугайски, к тому же стремился подчинить своей пресловутой партийности. Таково в целом его самое фундаментальное творение – «Материализм и эмпириокритицизм». Здесь он, в частности, почти буквально повторяет эмпиристско-сенсуалистское определение материи Гольбаха как «объективной реальности, данной нам в ощущении», трансформируя этот принцип **в пресловутую теорию отражения** (выделено С. Н.), подхваченную затем тысячами марксистских философствующих пропагандистов». [39, с. 141]. Относит ли автор к последним себя мы не знаем, но по делам его- несомненно.

«Пресловутый» в словаре С. И. Ожегова имеет значение «широко известный нашумевший, но сомнительный или заслуживающий отрицательной оценки». Интересующихся «пресловутым» отправляю к монографии А. П. Шептулина [6]. Если диалектический материализм признается научной теорией (с ужимками и кривляньями в большинстве современных учебников), то там место и теории отражения. В. В. Соколов вполне в духе Т. И. Ойзермана ерничает, является ли эта философия единственно научной. В. В. Соколов сочувствует учащимся, вынужденным читать нудные философичные тексты Ленина (так было, но не сегодня), «порой просто неприятно, поскольку ко всему прочему Ленин лишен чувства юмора». Разве это юмор, «когда он поносит неприемлемых для него авторов самыми последними словами». Недавний соратник

Ленина А. А. Богданов, которому досталось не меньше других, за путаницу и отступление от марксизма, «вскрыл философскую поверхностность Ленина на грани невежества» [39, с. 141].

Прошел век, число обиженных и, соответственно, разоблачителей Ленина не только не уменьшилось, а выросло в разы, особенно после гибели советской страны. Это еще и еще раз подтверждает принцип партийности философии.

В предисловии к «Материализму и эмпириокритицизму» Ленин называет свой труд заметками, в котором «поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путанное, реакционное» [23, с. 37]. И что, Ленина должны за это любить? Если бы современным критикам марксизма-ленинизма удалось создать нечто отдаленно напоминающее «Материализм и эмпириокритицизм», их имена навсегда остались бы в истории философии. А так пустышки, комментарии. Их заслуга сродни систематизатору аристотельского наследия. Вопреки воле учителя, на первое место ошибочно поставил не «философию», а «физику». Впоследствии термин «метафизика» на тысячелетия лишил философию собственного имени.

Реальность такова, что атаки на марксизм стали уделом не только центра. Не об этом ли свидетельствуют «Тезисы о марксизме-ленинизме с позиции определяющего человеческого фактора в истории» Николая Николаевича Ланина [40]. Автор на протяжении десятилетий изучал данную проблему и выводы, так сказать, выстраданы. По аналогии с Кантом в жизни Н. Н. Ланина выделим два периода – «докритический» и «критический». «Докритический» Ланин внешне далек от философствующих знатоков. Учитель, рабочий, служба в Красной Армии. Потом война. Имея бронь, добился отправки в действующую армию. Два ранения, обморожение и медаль «За отвагу». Конечно, это не шесть орденов политработника, будущего академика Т. И. Ойзермана, тем не менее, патриотическая позиция Ланина очевидна. Потом работал инспектором РОНО, председателем колхоза, завхозом, зам.директора МТС, секретарем партийного бюро, учился в партийных школах и, наконец, с 1966 года и до выхода на пенсию преподавал философию в Павлодарском индустриальном и педагогическом институтах. «Критический» Ланин, не без трудностей, в 1970 году защищает кандидатскую диссертацию по теме «О некоторых сторонах процесса развития». Уже здесь Н. Н. Ланин на основе взаимосвязанного действия законов диалектики делает вывод о преобладании в процессе движения, развития волнообразности и зигзагообразности. Это не противоречит

методологическому подходу к изучению законов диалектики, содержащихся в статье В. И. Ленина «Карл Маркс». Но, как заметил В. А. Федотов, «в связи с тем, что в обществе господствовало прямолинейное и однолинейное понимание развития, основой которого явилось длительно существовавшая промышленно-индустриальная тенденция в экономике, то рассчитывать на быстрое признание волн и зигзагов в обществе было нельзя» [40, с. 6].

Как следствие, осложнение при защите, статья, направленная в журнал «Вопросы философии» по данной проблеме, была отвергнута. Попутно отметим, что философ В. А. Федотов был первым систематизатором учения Ланина. В его рецензии на «Тезисы» фактически сделан анализ всего написанного и изданного Н. Н. Ланиным. Благодаря этому, становится понятным, откуда «растут ноги», т. е. тезисы, это итог «критического мышления» Н. Н. Ланина. Рецензирует тезисы и историк А. Л. Захаренко. Необычна структура брошюры, предисловие, послесловие, тезисы Н. Н. Ланина, рецензии В. А. Федотова и А. Л. Захаренко. Труд издан тиражом 100 экземпляров и, стало быть, доступен узкой группе читателей. Отмечу, Николай Николаевич несколько раз просил меня о рецензии (читал рукописный вариант), но я отказался. Ленин, как известно, в вопросах идеологии проявлял бескомпромиссность не только к врагам, но и соратникам, ближайшим друзьям. Вы поняли: не хотелось обижать фронтовика, человека, регулярно читающего догматическую «Гласность» и считающего себя марксистом.

Пришло время обратиться к тезисам не Маркса о Фейербахе, «содержавшие в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» [41, с. 371], а к тезисам Николая Николаевича. В первом из них утверждается: «Не общественное бытие определяет сознание, а человек разумный в начале создает бытие, орудие труда и средства производства, а затем уже, во вторых, они влияют на сознание своего создателя» [40, с. 28]. В «послесловии» Н. Н. Ланин соглашается с положением – бытие определяет сознание, но считает его верным «лишь на уровне обыденного сознания», на уровне теоретическом – сознание, основой которого является концепция «человек разумный определяет ход истории», верно другое положение. Какое? «В общении человека с природой происходит непрерывное взаимодействие внутреннего человеческого существа и внешнего влияния на него, что и определяет его движение и развитие» [40, с. 43]. Далее следовало бы отправиться в поход за «внутренним человеческим существом», выяснить, почему «не общественно-экономические формации определяют ход истории, а народы и

цивилизации» (так в третьем тезисе) [40, с. 29]. По первому тезису не лишне было бы перечитать четвертую главу работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» [41], где блестяще разрешаются проблемы, одолевшие Н. Н. Ланина, а по третьему – «Предисловие к критике политической экономии» Маркса: «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [42, с. 7]. Упреждая вопрос об отношении к основному вопросу философии, Н. Н. Ланин заявляет: «для меня он всегда был главным в том смысле, что в нем материя, природа – первичны, а дух сознание – вторичны» [40, с. 44]. Он же отмечает, что с этим согласны и разработчики учебника «Введение в философию» [16]. Тогда к чему весь этот сыр-бор? И как соотнести вынужденное признание с первым тезисом. Оставим эту работу «ищущим», а сами попытаемся решить теоретический спор на уровне обыденного сознания, точнее здравого смысла. Напомним при этом, что снижение общественного статуса марксизма-ленинизма по Н. Н. Ланину, объясняется тем, что «он изначально содержал в себе некоторые ошибочные положения» [40, с. 3]. К «некоторым» относится «способ производства материальной жизни обуславливает». Это уже не «некоторые», а ошибки фундаментального толка. В разрезе работы Н. Н. Ланина «Призвание как категория социальной философии» [43], посвященной углубленному исследованию человеческого фактора, который, по мнению Н. Н. Ланина, является определяющим в истории развития общества, уместно поставить вопрос, относит ли он к гениям человечества К. Маркса и Ф. Энгельса, и если да, то возможны ли ошибки, о которых он пишет.

Основатели научного коммунизма не страдали «скромностью», Энгельс заметки Маркса о Фейербахе называл «гениальными», не оставался в долгу и Маркс, называя наброски Энгельса к критике экономических категорий «гениальными» [42, с. 8]. Обмен любезностями по молодости? В речи на похоронах К. Маркса Ф. Энгельс сказал, что «Уже в ближайшее время станет ощутительной та брешь, которая образовалась посла смерти этого гиганта... Маркс открыл закон развития человеческой истории... производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа, или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, - а не наоборот, как это делалось до сих пор» [44, с. 350 – 351].

В. И. Ленин в работе «Карл Маркс», предваряя содержательную характеристику марксизма, отмечает, что «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века... классической немецкой философии, классической английской политической экономики и французского социализма...» [45, с. 50]. Ошибок, выявленных Н. Н. Лениным в работах гениев, Ленин не заметил. Впрочем, были ли они? Абстрактной истины нет, истина конкретна, то есть верна в конкретных исторических условиях. Это к тому, что при оценке личностей планетарного масштаба подходить нужно всесторонне, едва ли не с лабораторной точностью взвешивать свои силы и возможности, если ставится цель установить истину.

То, что будет волновать «ищущих» Н. Н. Ланину безразлично, позицию его не изменить. За несколько дней до 93-летия и за неделю до 66 годовщины Победы коллеги и товарищи попрощались с Н. Н. Лениным. Похоронили его рядом с женой. Подаренная ранней весной нежная листва, безоблачная синь павлодарского неба, парящие трубы промышленных гигантов – таков фон уходящей жизни и ее продолжение. В бесконечных модификациях человеческой мысли, заметил Аристотель, каждый философ притически не замечен, но совместно накопленное достойно изучения и продолжения.

В этом смысле категория сознания неисчерпаема, как и материя. Многочисленные определения – подтверждение тому. Приведем некоторые из них, чтобы сориентировать студентов при тестовом контроле.

А. Г. Спиркин в статье «Сознание» [35] отдает предпочтение описательному подходу, уходит от определения сознания, но в учебнике возвращается к нему: «Сознание – это высшая, свойственная только людям и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действия и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека» [8, 350 с.].

А. П. Шептулин, предваряя рассмотрение категории сознание, отмечает, что «сознание является свойством высокоорганизованной материи, мозга человека, продуктом и необходимой стороной трудовой деятельности и существующей на ее основе общественной жизни» [6, с. 109].

Или «...Сознание можно определить как высшую свойственную лишь человеку форму отражения объективной действительности в ходе общественной практики» [36, с. 58].

В учебнике для аспирантов в ряду ключевых понятий «Сознание – высшая форма психической активности человека как социального существа»; «отражение реальности в форме чувственных и умственных образов и проектирование (творчество) на этой основе новой реальности» [37, с. 300].

Число определений сознания можно продолжить и каждое из них может стать предметом критики, потому что сознание до сих пор осталось большой загадкой. Окончательный ответ на вопрос, что такое сознание и какова его природа, по мнению исследователей, еще не дан. При всем том, при определении сознания констатация таких его свойств, как высшее отражение человеком объективной, действительности, совокупности психических процессов направленных на преобразование действительности, – обязательна.

Являясь высшим продуктом высокоорганизованной материи - мозга, сознание представляет собой единство объективного и субъективного, единство того, что зависит от субъекта, состояния его психики, опыта и независимой от него окружающей действительности. Неразрывная связь свойств сознания с сознанием – очевидна. Но отождествлять часть и целое, каждое свойство сознания с сознанием, когда оно раскрывает лишь одну их сторон бесчисленных характеристик, неверно. Только в диалектическом единстве всех своих свойств сознание предстает тем чем оно есть. По тем же соображениям сознание не может быть сведено к языку. Указывая на органическую связь сознания с языком, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Язык также древен как и сознание; язык **есть** практическое – существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание» [46, с. 29]. В данном высказывании очевидно стремление выделить социальную природу сознания, представить его как результат общественных взаимодействий. Короче, сознание социализировано и вместе с тем индивидуально, стало быть, уникально. В сознании человека формируется объективный образ по содержанию и субъективный по восприятию. «Ощущение есть субъективный образ объективного мира» [23, с. 120]. Ленинское определение для некоторых «ортодоксальных марксистов» – соль на раны, едва ли не сползание на позиции субъективного идеализма, хотя объективный мир не отрицается, а под субъективностью понимается отражение его сторон в специфической для субъекта форме. Первичность отражаемой действительности, как уже отмечалось, задает разумные ориентиры субъекту и лежит в основе творческой деятельности. Последнее присуще только человеку, но если это так,

рассуждают противники теории отражения, то человек не отражает действительность, творит ее. Об этом уже говорили, потому не будем повторяться. В заключении выскажем сожаление, что среди философов нет подобных Владимиру Бушину, литературному критику, публицисту, о котором доктор философии Р. Л. Лифшиц писал: «Никакие ученые степени, академические регалии и прочие знаки успеха, не спасут того кто стал предметом Вашего критического разбора, от разоблачения» [47. с. 19]. Может быть такие есть среди философствующих читателей?

4 Причина и следствие

Начнем с банального шедевра: «Смех без причины – признак дурачины». Будто обнаружив причину, сходу поменяем минус на плюс, превратим недоумка в интеллектуала. А может, человек по темпераменту смешлив, или обладает больным воображением – покажи палец и зальется смехом. В любом случае через следствие мы пытаемся выяснить причину. Смех как таковой не причина, а выражение эмоционального состояния.

Причина явления глубже и определяется не на уровне обыденного сознания. Как писал неоплатоник Прокл (410-485 гг.), «узнавание причин есть дело знания. И мы тогда говорим, что доподлинно знаем, когда знаем причины сущего» [48, ч. 1, с. 556]. Он же предупреждает, если прибавление причин продолжается до бесконечности, то никакого научного знания не получится, «так как незнание ничего бесконечно». И если «нет восхождения [причин] до бесконечности, то существует первая причина сущего, от которой, как из корня, эманирует каждая вещь» [48, ч. 1, с. 556].

Проблем, уходящих в бесконечность причин занимала и философа схоласта Фому Аквинского (1225/26-1274 гг.). Если бы производящие причины уходили в бесконечность, то отсутствовала бы первичная производящая причина, «а в таком случае отсутствовало бы и конечное следствие. Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именует богом» [48, ч. 2, с. 829]. Поскольку бытие божье не является самоочевидным, оно может быть доказано через доступное нашему познанию следствие. Фома Аквинский выделяет таких доказательств пять, и в каждом из них следствию предшествует причина, под которой «все разумеют бога». Фома делает существенную оговорку: «Мы полагаем бога как первоначало не в материальном смысле, но в смысле производящей причины; и в таковом качестве он должен

обладать наивысшем совершенством» [48, ч. 2, с. 831]. Совершенно, потому что движущее начало актуально, дело рук творца, а творец – совершенство всех совершенств. Не в этом ли лике выступает аристотелевская форма? Материя у Аристотеля, это вещество каждой вещи, а форма – то, что придает ей определенность. Каждая конкретная вещь – единство материи и формы. Каким образом достигается единство? Через причины производящие, наделенные определенной целью. Материя пассивна, форма активна. Высшую в иерархии форм Аристотель называет богом. Но аристотелевский бог – философский бог, стало быть – само мышление. Бог – творец, первопричина всего сущего, при таком подходе все в его руках, поэтому нет необходимости вскрывать причины явлений, уповая «на форму всех форм» или господа бога.

При таком подходе причинно-следственная закономерность развития объективного мира превращается в мистифицированное знание, в пределах которого человек как был, так и остается бессилен перед причиной, неспособный ее предотвратить или изменить последствия. Опыт, практика говорят о другом: «Благодаря деятельности человека и обосновывается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого» [49, с. 545].

Окунувшись в мир причинно-следственных связей, человек обнаруживает устойчивую повторяемость и это позволяет сделать вывод о законе причинности. Признающих закон причинности называют детерминистами, отрицающих или сомневающихся – индетерминистами. Энгельс заметил: «Для того, кто отрицает причинность, всякий закон природы есть гипотеза» [49, с. 547]. В отрицании объективного характера причинности наиболее заметен английский философ Д. Юм. Если быть точнее, он не столько отрицал, сколько ставил под сомнение, ограничивая причинность узко-психологическими рамками. В психологии эмоций Юм признает существование причинных связей, но истолковывает их в плане ранее принятых решений, волевых акций: «Все волевые акты имеют частные причины» [50, с. 553]. Один из примеров, иллюстрирующих мысль Юма: «Узник, идя на эшафот, предвидит неизбежность своей смерти, основываясь как на непоколебимости и верности стражи, так и на действии топора или колеса. Дух его проходит известную цепь идей: отказ солдат дать согласие на его бегство, акт палача, отделения головы от туловища, истечение кровью, конвульсивные движения и смерть» [50, с. 546-547]. Любопытный вывод из жуткой истории: «переходя от одного звена к другому, не чувствует между ними

разницы» [50, с. 547]. Не чувствует этой разницы и Юм. Как тонко подметил во вступительной статье к сочинениям Юма И. С. Нарский: «В лучшем случае он смешивает причины с чувственно наблюдаемыми условиями обнаружения следствий, а в худшем придает «причине» чисто словесное значение, обозначая ею вообще те же события, которые предшествуют следствиям в потоке явлений» [50, с. 34]. Итак, по Юму, причинность – это лишь привычная последовательность наблюдаемых событий и явлений, ожидание этой связи, но и только. В объективности, в универсальном характере причинности отказано. «... Все доказательства, приводившиеся в защиту необходимости причины, ошибочны и софистичны» [50, с. 176].

Не соглашаясь с Юмом относительно того, что причинность только привычная связь ощущений, И. Кант усматривает причинность в человеческом рассудке. Причина, как и другие категории, относятся к априорному опыту субъекта. На уровне рассудка чувственное восприятие упорядочивается категориальным каркасом, который состоит из четырех блоков (количество, качество, отношение, модальность). Причина входит в структуру «отношение». Как и другие категории, ее связывают различные восприятия в суждения. Различие между Юмом и Кантом на причинность не выходит за рамки субъективного идеализма. Допускать существование следствия без причины – значит открывать двери сверхъестественному, мистическому.

С позиции объективного идеализма, наиболее полно взаимодействие причины и следствия раскрыл Гегель. Для Гегеля причинность порождение абсолютного духа, субстанции. «Субстанция обладает **действительностью** лишь как причина... ту действительность, которую субстанция имеет как причина, она имеет **лишь в своем действии** – Это та **необходимость**, которая есть причина» [51, с. 209].

Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин делает следующую запись: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции...» [1, с. 142-143]. Здесь же Ленин высказывает два принципиальных соображения о том, что причина и следствие лишь моменты всемирной взаимозависимости, лишь звенья в цепи развития материи, а потому отрывочны и неполны, и «одна и та же вещь оказывается в одном случае причиной, в другом - действием» [1, с. 143]. «Взаимодействие есть, несомненно, ближайшая истина отношения

причины и действия» [1, с. 146]. Ленин отмечает, что при чтении Гегеля он выбрасывал боженьку, абсолютизм, чистую идею и сохранял все то, где Гегель ближе всего к диалектическому материализму.

Диалектический материализм, благодаря данным науки и деятельности человека, обосновывает представления о причинности. Ф. Энгельс писал: «... уже одно правильное чередование известных явлений природы может породить представление о причинности – теплота и свет, появляющиеся вместе с солнцем – однако здесь еще нет доказательства, и постольку юмовский скептицизм был бы прав в своем утверждении, что регулярно повторяющиеся *post hoc* никогда не может обосновать *propter hoc* («после этого, по причине этого»). Но деятельность человека **производит проверку** насчет причинности. Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца» [49, с.545].

Провести «проверку причинности» при всей сложности форм проявлений в макро- и особенно в микромире возможно и современная наука блестяще подтверждает это. Тем не менее, некоторые зарубежные физики отрицают причинную обусловленность явлений микромира. Вывод о том, что электрон не подчиняется закону причинности, свободно выбирает путь своего движения, свидетельствует о его «свободе воли». В действительности движение микрообъектов подчиняется не механико-механическим, а специфическим закономерностям. «Эти закономерности, - разъясняется в учебнике философии 1970 года, - вскрываются статистическими методами, которые, учитывая случайности, предсказывают вероятность поведения микрообъектов в будущем. Вероятностный характер выводов... не исключает, а предполагает причинную зависимость» [52, с. 222–223]. Традиционно, просто и понятно, но куда мудренее в учебных пособиях для магистрантов, сдающих кандидатский минимум, докторантов, ориентированных на результаты исследований современных западных философствующих авторитетов.

Особое внимание новой «научной парадигме» – синергетике (совместные действия или содействие), которая изучает общие закономерности процесса самоорганизации в различных системах, возможность перехода от беспорядка к порядку и организации, в условиях неустойчивости, природных и социальных систем. С природой понятно – минимизация вмешательства человека, в его собственных интересах. Энгельс писал, что за каждую победу над

собой природа жестоко мстит человеку. Что касается социальных систем, то здесь все во сто крат сложнее, в том числе при рассмотрении причинности. Только в этой части и затронем «синергетику». Один из пропагандистов этого направления Г. И. Рузавин пишет: «Если традиционное понимание **линейной** причинности предполагает, что только причина вызывает или порождает действие, то процессы самоорганизации ясно показывают, что действие также может оказывать влияние на породившую его причину или причины» [53, с. 77]. Но разве не об этом речь шла выше? Тогда, видимо, дело в основной идее синергетики, суть которой «заключается в том, что сложные системы **качественно** меняют свое макроскопическое состояние в результате изменений происходящих на микроуровне» [53, с. 76]. Но и здесь, как в песенке «это все мы проходили». Очевидна попытка подмены диалектики с синергетикой. Что здесь превалирует – амбиции или социальный заказ? Некоторые популяризаторы синергетики вслед за И. Пригожиным вынуждены признавать влияние Маркса и Энгельса на становление большинства идей синергетики, другие старательно замалчивают их роль. У Г. И. Рузавина нет не одной ссылки, а в коллективном учебном пособии для аспирантов под редакцией В. П. Кохановского в списке литературы Ф. Энгельс упоминается всего один раз [54]. В общем на что не пойдешь чтобы прослыть философским первоцелинником, на поле вспаханном и обработанном другими. Замалчивание – один из успешных приемов на этом поприще.

В учебной, да и в научной литературе, размышляя над взаимодействием причины и следствия, в иллюстративном плане, авторы отдают предпочтение природной среде. Как представляется установление полной причины в социуме затруднено «отягощающими обстоятельствами», среди которых отождествление субъективного с объективным, преувеличение роли условий, а иногда и повода, способных подменить саму причину. В то же время недооценка условий, хотя и не в состоянии изменить причину, но наверняка способных повлиять на форму действия причины и характер следствий.

Такого рода трудности и заблуждения преодолимы при диалектико-материалистическом подходе к изучению причинно-следственных связей, когда вскрывается зависимость следствия от причины и ее обратное воздействие на причину. Причина и следствие находятся во взаимодействии и после появления следствия, если сохранилась причина. Это положение можно проиллюстрировать

словами А. А. Зиновьева: «Двадцатый век с точки зрения социальной эволюции с полным правом можно назвать коммунистическим. Коммунизм вошел в плоть и кровь человечества настолько глубоко, что сыгранная им в двадцатом столетии роль будет так или иначе ощущаться в последующие века, кто бы и как бы не старался предать его забвению и истребить следы его влияния из практической жизни людей» [55, с. 237].

Два десятилетия пытливая и оглупляющая мысль пыталась ответить на вопрос о причинах гибели советской власти и государства. Результаты не удовлетворяют ни сторонников, ни врагов коммунизма, впереди работа не одному поколению исследователей. Отвечая на этот вопрос, А. А. Зиновьев утверждает, что процесс жизни коммунистической системы был прерван искусственно. Причины (факторы), которые способствовали этому: перевес Запада в холодной войне, не вовремя начатые реформы и фактор предательства [55, с. 24 – 25]. Спустя пять лет в беседе с Кожемяко, из отмеченных причин Зиновьев выделяет главную: «Произошел развал Советского Союза, разрушение советской системы. Причины этого я называл, называю и буду называть – предательство высшего советского руководства, высшей интеллектуальной элиты, правящей элиты» [55, с. 113]. В философском бестселлере «Русская трагедия» [56] А. А. Зиновьев вновь и вновь возвращается к причинам трагедии (последствия известны, они настолько очевидны, что доступны для выводов и на уровне обыденного сознания). Он называет те же причины, скажем так, многоцветнее в деталях «возведение Горбачева на вершину советской власти произошло в значительной мере как диверсионная операция» [56, с. 469]. К моменту прихода его к власти Советский Союз был на грани кризиса: «В этой ситуации были недопустимы никакие реформы вообще». Разрушая советскую социальную организацию, Горбачев действовал в интересах Запада, но «стратегам холодной войны стало ясно, что разрушить советский коммунизм на пути реформ невозможно... Тогда был спровоцирован августовский «путч» 1991 года» [56, с. 470], растянувшийся более чем на два года. Горбачевские реформы подготовили антикоммунистический переворот Ельцина. Результат его реформ – стремительное разрушение коммунистической социальной организации.

Так может писать и говорить философ – марксист, коммунист. Но сам он отмежевывается от того и другого. В первом случае достаточно ознакомиться с его работами «Коммунизм как реальность», «Кризис коммунизма» [57], во втором, с

многочисленными заявлениями, в печати, на различных форумах. «Коммунизм как реальность» оценили на Западе как выдающееся научное открытие в социологии. Работа отмечена престижной премией. Автор не разделяет коммунистических взглядов, не приемлет коммунизм как общественную систему, но проводит мысль, что этот тип общества Советскому Союзу не «навязан извне»... а сложился имманентно в силу социальных законов и исторически данных условий» [57, с. 9].

На вопрос, кто же он, А. А. Зиновьев отвечает: «Апологетом коммунизма я не был никогда и не являюсь теперь» [55, с. 237]. Он исследователь, ученый. Поскольку в философской учебной литературе имя А. А. Зиновьева практически табуировано, о нем с его же слов. Человек, ставший мировой знаменитостью, с глухой костромской Чухломы. В 17 лет в Москве арестован как антисталинист. Был в бегах, задержан, предложили тюрьму или фронт. Прошел всю войну, сражался в танковых частях, в авиации, капитан. В 1951 году окончил философский факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию. Занимался фундаментальными проблемами логики. На Западе издает социологический антисоветский роман «Зияющие высоты» и на долгие годы оказывается не на Колыме, а в Мюнхене. Много пишет и публикуется. Бескомпромиссная критика советского социального строя ставит его в один ряд со всей диссидентствующей публикой. Виднейшие интеллектуалы Запада дают высокую профессиональную оценку его работам по логике, социологии, методологии, литературе.

Человек, приложивший руку к тому, что произошло с Советским Союзом, возвращается и в одном из интервью с горечью замечает, знать бы чем это кончится – не начинал бы. Уже в Мюнхене Зиновьев подвергает ожесточенной критике перестройку и перестройщиков. Его «левизна» востребована. Однако он отрицает свою партийность (и это факт), но на траурной церемонии прощания в Доме культуры МГУ, отдавая ему дань, многие из выступающих подчеркивали, что А. А. Зиновьев был убежденным коммунистом [58]. То есть судьба самого А. Зиновьева, пропущенная через диалектическое прочтение категории «причины - следствия», могла бы стать хорошим пособием в учебном процессе. Желая узнать о нем, но больше как о личности, ученом-философе отсылаем к текстам бесед между Л. Н. Митрохиным и К. Я. Кантором [59].

«Сегодня многие пытаются понять причину поражения КПСС, развал СССР, - прозвучало в киноконцертном зале «Орион» в марте 1993 года на 29-ом съезде КПСС... – это дело историков,

политологов, философов и нужно время...для достоверного и выверенного объяснения причин, приведших к трагедии не только КПСС, но и весь Советский народ» [60, с. 8].

Следствие известно – «трагедия», а причины? Главные из них названы в новой программе партии: предательство бывших руководителей КПСС, кризисные явления в экономике, существенно осложнявшая многовековая отсталость страны, ухудшение жизни народа, нарастание сепаратистских тенденций, целенаправленные действия США и их союзников по разрушению социалистического лагеря, расчленению Советского Союза [60, с. 68 – 72].

Большинство исследователей единодушны в одном – главная причина – предательство верхов, то есть действие субъективного фактора. Предали не только «верхи», но и «низы». Пассивность, аполитичность, полнейшее равнодушие к судьбе Родины. Не согласны, тогда опровергайте фактами массовых выступлений вооруженным сопротивлением уничтожению государств. Их нет, и следствие превращается в причину, затем новое следствие. На каком-то этапе приходим к пониманию, что трагедии в общем-то и нет, совсем наоборот, заоблачная радость, неожиданный подарок – империя пала, реализовалась вековая мечта о независимости и суверенитете. Удовлетворены и исследователи, по крайней мере, становится известной хотя бы одна полная причина развала – пассивность, безответственность, тупое равнодушие к происходящему. И все же такого рода причину нельзя отнести к субъективным. Где целенаправленные решительные действия, настойчивость в достижении цели? Совсем наоборот – манна небесная, следовательно, лишь опосредованно, через ряд промежуточных звеньев можно предположить причину, которая на деле оказывается следствием.

И последнее выяснение причинно-следственных связей в рамках социальной системы: это не только и не сколько удовлетворение познавательного интереса, это знание с целью предотвращения негативных и закрепления позитивных тенденций в развитии общества.

5 Необходимость и случайность

Одно из первых упоминаний о необходимости и случайности можно обнаружить в древнейшем памятнике индийской культуры Упанишады. Среди первопричин, первооснов бытия комментаторы Вед называют «Время, собственная природа, необходимость, случайность» [48, ч. 1, с. 81].

Содержание понятий не раскрывается, это удел будущих поколений мыслителей. Устойчивый интерес к категориям сохранился до наших дней. Открывая определенные стороны явлений, они помогают глубже раскрыть диалектику развития объективного мира, проявление законов в природе и обществе. Вместе с другими категориями необходимость и случайность дают возможность отразить многообразие связей их разносторонний характер, раскрыть наиболее общие законы взаимоотношений, взаимосвязей и взаимопереходов различных сторон объективного мира отражаемых этими категориями.

История познания подтверждает, что понимание категорий необходимости и случайности зависит от уровня знаний людей, от их классового положения, от их политических симпатий и антипатий. Поэтому не только понимание, но и отношение к этим категориям, впрочем, как и к другим категориям, бывает различным. Они воспринимаются то идеалистически, то материалистически, на базе принципа недопустимости противоречия, или на основе диалектического закона единства противоположностей.

На определенной ступени развития человеческого познания, его теоретического мышления люди научились выделять одни явления и противопоставлять их другим по характеру их возникновения, по отношению к окружающим условиям. В процессе познания формировались и такие противоположные категории, как необходимость и случайность, одна из которых служила для обозначения тех явлений, возникновению которых представлялось естественным и неизбежным следствием, вытекающим из определенных условий и причин, другая – для обозначения тех явлений, возникновение которых представлялось необъяснимым, не выходящим из обычного, естественного течения событий.

Такое деление предметов и явлений на два противоположных, исключающих друг друга класса явилось метафизическим.

Философов, которые считали, что все явления природы необходимо определены к существованию действием той или иной причины, теми или иными обстоятельствами, называли детерминистами.

Детерминизму противостоял индетерминизм. Представители индетерминизма исходили из того, что в мире все случайно, явления совершаются без всяких причин. Наиболее глубоко и содержательно этот подход разработан применительно к социуму. Человек действует по своей свободной воле, то есть его действия и поступки

определяются внутренними побуждениями, которые ни от чего не зависят и служат единственным мотивом его деятельности.

Этот взгляд на мир тесно смыкается с религиозными воззрениями. Душа – вот единственный источник активности человека, проявление его свободной воли. В противовес детерминистам, индетерминисты рассуждают так: если признать, что все поступки человека причинно определены и не могут быть иными, то как можно наказывать человека за его проступки? Может ли он нести за них ответственность? Чтобы человек мог отвечать за свои действия, должна быть свобода воли, должна быть душа, которая действует по капризу, произволу, случайно.

По теологическим воззрениям, бог – творец мира и человека. При таком подходе ответственность за все недостатки и пороки человека можно отнести к его творцу, то есть к богу, поскольку он создатель (причина) столь несовершенного существа. Становится понятным, почему церковь так последовательно защищает один из своих догматов – бог создал человека свободным, то есть ответственным за свои поступки. По Энгельсу «свобода воли означает..., не что иное, как способность принимать решения со знанием дела». [49, с. 116]

Детерминизм, признавая необходимость человеческих поступков и отвергая свободу воли в теологическом смысле, не уничтожает ни разум, ни совесть человека, ни оценку его действий. «Совсем напротив, - пишет Ленин – только при детерминистском взгляде возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю» [61, с. 159].

Детерминисты отстаивали тот взгляд, что все явления в объективном мире вызваны не божественным промыслом, а реальными причинами. Демокрит рассуждает, человек нашел клад не случайно, потому что копал яму под посадку оливкового дерева. Причина события найдена, значит оно необходимо. «Люди измыслили идол (образ) случая, - говорил Демокрит, - чтобы пользоваться им, как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность» [62, с. 69].

Голландский философ Б. Спиноза утверждал, что в вещах нет ничего такового, что давало бы повод назвать их случайными. «В природе вещей нет ничего случайного, но все определено к существованию и действию по известному образу из необходимости божественной природы». [63, с. 357]. Случайной называется какая-либо вещь лишь по причине несовершенства наших знаний. Выявление причин явления снимает иллюзорное представление о

случайности. Близкую Б. Спинозе позицию занимал Г. В. Плеханов. «Слишком часто люди **приписывают случаю то, причины чего остаются им неизвестными**. Поэтому, когда случай слишком сильно и слишком длительно подавляет их своим могуществом, они в конце концов пытаются объяснить явление, которое до поры считались случайными, и открывать их причины» [64, с. 647].

В связи с Г. В. Плехановым вспомнилось, как комиссия по приему кандидатского экзамена по диалектическому материализму в составе докторов философских наук Е. П. Ситковского, А. К. Уледова, А. И. Корнеевой «проучила» автора этих строк. Заметив на моем лице улыбку после получения билета, А. И. Корнеева с присущей ей ехидцей поинтересовалась: «Чему радуетесь?». «Вопрос о необходимости и случайности – тема моей дипломной работы». «Послушаем, послушаем», – многообещающе произнесла она. После ответа посыпались вопросы, выходящие за рамки кандидатского, и вдруг попадание в яблочко. «Скажите, как понимал случайность Плеханов?». Признался, что запомнил. Комиссия, что называется «утерла нос знатоку». Оценка «хор» – позор аспиранту. Вузовская работа написана в духе марксистско-ленинской методологии и не знать Г. В. Плеханова?! Откроем его работу «К вопросу о роли личности в истории» и прочитаем: «**Случайность есть нечто относительное**. Она является лишь в точке пересечения **необходимых процессов**» [64, с. 323]. Однако, возвратимся к прерванному изложению.

Наиболее яркое воплощение концепция механического детерминизма нашла во французском материализме XVIII века. Вселенная, по мнению Поля Гольбаха, раскрывает перед нами необъятную и непрерывную цепь причин и следствий. Однако отождествление необходимости с причинной зависимостью и отрицание случайности приводило к фатализму. «Беда, однако, в том, – указывал Ф. Энгельс, – что механизм (также материализм XVIII века) не может выбраться из абстрактной необходимости, а поэтому также и из случайности». [49, с. 523]. Особенно ярко ограниченность абстрактного детерминизма французских материалистов проявилась в области социологических воззрений. Самые важные исторические события ставятся в зависимость от случайных причин. Даже песчинка, занесенная ветром, играет чуть ли не решающую роль в судьбах государств, людей. При таком понимании детерминизм эволюционирует до уровня абстрактной случайности, до уровня индетерминизма.

Механический детерминизм приводит французских материалистов к фаталистическому взгляду на развитие общества, к признанию существования предопределенности.

«Все наши поступки, - писал Гольбах, - подчинены фатальности, управляющей нашей частной системой так, как она управляет совокупной системой вселенной, ничто в нас как в природе не происходит случайно, ибо случай, как мы это доказали, представляет лишенное смысла слово» [65, с. 236-237]. Энгельс замечает, что с необходимостью такого рода мы не выходим за пределы теологического взгляда на природу.

Наиболее полно в домарксистской философии категории необходимости и случайности разрабатывали Г. В. Гегель и Л. Фейербах. Гегель в «Науке логики» определяет случайность через соотношение возможности и действительности «Случайное – это нечто действительное, определенное в то же время лишь как возможное, иное которого или противоположность которого также **есть**». [51, с. 191]. Случайное по Гегелю представляет две стороны, как непосредственная действительность, но не имеющая основания, и в то же время как возможное имеющее основание. «Случайное не имеет основания, потому что оно случайно: и точно также оно имеет основание потому что оно случайно» [51, с. 191]. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» отмечает, что Гегель в противовес метафизическому и механистическому детерминизму, отрицающими случайность, выступает с совершенно неслыханными до того времени положениями, «что случайное имеет некоторое основание, ибо оно случайно, но точно так же и не имеет основания, ибо оно случайно, что случайное необходимо, что необходимость сама определяет себя как случайность и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость». [49, с. 535]. То что необходимо, не может быть иным, - рассуждает Гегель, но то, что вообще возможно, вполне может быть иным, поэтому реальная необходимость в себе есть на самом деле также случайность.

Подвергая критике прежнюю логику, которая рассматривала понятия на базе законов тождества, как раз и навсегда данные, лишенные развития, Гегель показал диалектику понятий, их взаимосвязь, взаимопереход, развитие. Но понятия и их диалектические связи у Гегеля понимались идеалистически, что приводило к извращению самой реальности.

В. И. Ленин отмечал, что в диалектике понятий Гегель лишь угадал диалектику вещей, природы, не больше. Гегелю не удалось объяснить, чем вызывается взаимосвязь между необходимостью и

случайностью. Причина заключалась в том, что он действительность рассматривал как «рефлектированную абсолютность», которая сама по себе есть «абсолютная форма», кроме того, как проявляет себя. В развитии «абсолютной формы» Гегель различает «формальную действительность», «реальную действительность» и «абсолютную действительность». Случайность Гегель относит к «формальной действительности», к внешней видимости вещей. «Случайность – то, что не имеет причину в самом себе, а имеет в чем-то другом». Случайность – это видимость. Необходимость принадлежит к реальной действительности, которая является продуктом абсолютного духа. Здесь необходимость имеет некоторое определенное содержание, и связь со случайностью раскрывается при проявлении необходимости. На ступени «абсолютной действительности» необходимость превращается Гегелем в абсолютную необходимость, в которую снова возвращаются как формальная, так и реальная действительность. То есть развитие начинается с абсолютной идеи и ею же заканчивается.

К. Маркс и Ф. Энгельс освободили диалектический метод Гегеля от «идеалистической шелухи» и показали, что необходимость развития и его сущность заложены не в идее, не в абсолюте, боге, а в материи.

Проблема необходимости и случайности в домарксистской философии не получила подлинно диалектико-материалистического решения. Это объяснялось метафизичностью и идеализмом философских систем, недостаточной развитостью естественных наук, отсутствием подлинной науки об обществе, неразвитостью социально-политических отношений в докапиталистический период.

Подлинно научное разрешение концепция необходимости получила в марксизме-ленинизме.

Наиболее распространены определения необходимости и случайности через категорию причины. Необходимость вызывается главными внутренними причинами, ими детерминирована. Свойство или связи, имеющие причину своего существования вне, называются случайными. Случайность, как и необходимость причинно-обусловлена, но это не делает ее необходимой. Необходимость порождается необходимыми причинами, случайность – случайными причинами. Причинно-следственные связи, лежащие в основе необходимости и случайности, являются всеобщей формой бытия, то есть являются сторонами одного и того же явления.

В современной постсоветской литературе существует два основных направления в развитии категории необходимости и

случайности. Первое – конкретизация, уточнение, углубление их содержания и функций [66, 67], второе – с расширением границ и возможности прикладного использования [68, 69]. В последнем особо преуспевают связанные со средствами массовой информации. В качестве иллюстрации рассмотрим небольшую статью Б. Исаева (он же В. Луков) «Случайность, закономерность, судьба» [70]. Отметим, автор не социолог и не философ. В прошлом первый секретарь Павлодарского обкома Компартии Казахстана. Одно время «усердствовал» на ниве антикоммунизма и антисоветизма. В газете «Новое время» [71] несколько коммунистов попытались доказать несостоятельность его публикаций. Невестке в отместку, там же, неделю спустя, была опубликована статья «Инопланетяне» за подписью злобствующего антикоммуниста, бывшего партийного журналиста Ю. Ковхаева. Приводить его аргументацию в защиту Б. Исаева, бессмысленно, такого рода продукции и сегодня на потребительском рынке предостаточно. И все же польза от статьи бывших товарищей Б. Исаева была. Человек несколько притих. А теперь по существу упомянутой статьи.

Начало публикации обнадеживает, ограничены рамки обсуждения. «История – цепь закономерных и случайных событий». И вслед пример об удивительном трагическом случае «В Катыне были расстреляны польские офицеры в 1940 году. По поводу семидесятилетия этого события польская делегация во главе с Президентом страны отправилась на место гибели офицеров. Самолет разбился, и все погибли. Один случай через семьдесят лет привел к другому случаю». Трагедия 1940 года – случай? Автор старательно уходит от выяснения причин, условий и обстоятельств гибели польских офицеров, и это понятно, идет большая политическая игра. Горбачев и его последователи расстрел поляков приписывает советским карательным органам, хотя давно установлено – дело рук фашистов. Эту позицию в книгах и статьях отстаивает бывший работник Ермаковского ферросплавного завода Ю. Мухин (редактор московской газеты) и В. И. Илюхин, член фракции КПРФ в Госдуме.

В общем, до выяснения действия (причины) трагедию 1940 года весьма спорно обозначать как случай. Катастрофа самолета и гибель польской делегации соткана из большого числа микропричин, каждая из которых могла бы сыграть решающую роль. Могла, но не сыграла, тогда какая из них оказалась решающей. Слово экспертам, аналитикам, потому что и случай имеет причину. Случайное выступает как единичное, как результат воздействия опосредовательной причины.

Далее автор рассуждает о личных качествах лидера с позиции случайности. В его истолковании случайность становится фатальной... «и один случай может поменять весь ход исторических событий». Историческая необходимость низводится до уровня случая. Случайные личности на троне, во главе советского государства... При таком подходе, характерным для субъективного идеализма, с легкостью неимоверной утверждается, что социализм не является исторической необходимостью: «народ пошел за большевиками во многом случайно... но **закономерность** (С. Н.) в конце концов вернула Россию на рельсы капитализма» [70].

Многого ли стоят выводы Б. Исаева «в поражении социализма немалую роль сыграл характер Сталина... Его ученики и последователи ускоренными темпами развалили это государство». Так кто же, по Ковхаеву, здесь «инопланетянин»: защитники социализма или его противники?

Диалектический материализм не отрицает случайность, но и не мистифицирует ее. Ф. Энгельс писал, что «случайность это только один плюс взаимозависимости, другой плюс, который называется необходимостью» [41, с. 174].

Диалектика необходимости и случайности в статье Б. Исаева подменена метафизикой. «Парадоксальность» суждений автора (так по мнению редакции) мнимая, лишь перепев забытого старого в арсенале философии.

На уровне индивидуального сознания случайное есть нечто экстравагантное, а потому запоминающееся, тем более, если оно полезно человеку. Такого рода поворот в рассмотрении необходимости и случайности существенно бы расширил представления об этой парной категории.

6 Содержание и форма

Не нужно копаться в море книг, чтобы убедиться как одно и то же обозначается понятием «содержание» или «оглавление». А как правильно? Для начала заглянем в словарь С. И. Ожегова. Приводится шесть вариантов применения понятия «содержание» среди них: «То, что составляет сущность, того – чего-нибудь», «Тема, основная суть, изложения», «То же, что оглавление». Пора бы остановиться – «содержание» и «оглавление» одно и то же. И все же посмотрим, в этом же словаре, «оглавление». Вариантов нет, используется в одном смысловом значении «Перечень глав или других составных частей книги, рукописи». Применение понятий несопоставимо, а потому не

может быть и речи об использовании на равных. Оглавление лишь тень понятия «структура», фиксируемого в категории «содержание».

Вопрос о субординации и взаимоотношениях категорий причины и следствия, необходимости и случайности, содержания и формы имеет давнюю историко-философскую традицию. Можно согласиться с А. П. Шептулиным, что категория «содержание» результат более позднего процесса познания [6, с. 190].

Что это так, не трудно убедиться, просмотрев предметный указатель к «Метафизике» Аристотеля. Понятие «содержание» не упоминается, а «форма» «обналичена» на 37 страницах текста. Если не «содержание», какая категория сопутствует «форме»? Может причина? «Причиной называется то **содержимое** (выделено С.Н.) вещи, из чего она возникает; например медь – причина изваяния, и серебро – причина чаши» [72, с. 146]. «Содержимое вещи» – медь и серебро, но тут же утверждается «...все что возникает естественным путем или через искусство имеет материю» [7, с. 148]. Или – материя, то откуда и из чего возникновение берет свое начало.

Для Аристотеля каждая вещь есть материя, как и то что она имеет свою причину и назначение. Материя является вещественным первоначалом субстратом, полагающим в себе «содержание». Материя или субстрат сочетает в себе 4 вечных не возникающих физических элемента: огня, воздуха, воды и земли. Собственно, это и есть материя, тогда глыба меди – действительность (форма), отсюда следует, что мертвая материя существует лишь как возможность другой. «Последняя материя», по Аристотелю, и есть действительность. «Первая» только мыслится, «вторая» воспринимается чувствами. «Формой я называю суть бытия вещи» [72, с. 207] Аристотель еще раз повторяет форма есть то, что возникает в другом либо через искусство, либо от природы» [72, с. 201]. Единство материи и формы и есть оформленная материя

В трактате «О душе» Аристотель рекомендует обращаться к высказываниям предшественников « чтобы позаимствовать у них сказанное правильно и избежать всего, что ими сказано неправильно» [72, с. 375].

Обращаясь к наследию Левкиппа и Демокрита, Аристотель поступает именно так: «Ливкипп и Демокрит утверждают, что отличие атомов суть причины всего остального. А этих отличий они указывают три: очертание, порядок и положение» [72, с. 75]. Рассматривая материю как «сущность в возможности», Аристотель замечает, что реально таких различий много. Стало быть, они не могут сведены, как у Демокрита к очертанию (форма атомов).

Несомненно, в связке материя – форма Аристотель отдает предпочтение форме. «Материя существует не в действительности, а в возможности; и скорее за начало – более важное, нежели материя, - можно бы принять форму...» [72, с. 275]. Допуская существование нематериальной формы, Аристотель продвигается в сторону «форма-форм», то есть к Богу. Резюмируя, отметим, категория содержания в трудах Аристотеля, как и материя, присутствует в возможности. Потребуется работа не одного поколения философов, обогативших представления о материи и форме, чтобы перейти к категории «содержание».

В философии Нового времени Джордано Бруно, отстаивая материалистическую позицию, утверждает: «Формы не имеют бытия без материи, в которой они порождаются и разрушаются, из лона которой они исходят и в которые возвращаются» [63, с. 61]. Д. Бруно близок по взглядам английский философ Ф. Бэкон. «Следует больше изучать материю, ее внутреннее состояние и изменение состояния, чистое действие и закон действия, или движения, ибо формы суть выдумки человеческой души» [63, с. 199]. Бэкон упрекает Аристотеля в «недооценке внутренней истины вещей», его мнения и аксиомы не опираются, а если и опираются, то на искаженный опыт [63, с. 201]. В небольшом трактате «О принципах и началах», возвращаясь к анализу представлений древних о соотношении материи и формы, Бэкон отмечает – поскольку материя скрыта, она не оказывает сильного воздействия на разум: «ее действие есть нечто преходящее». Форма, напротив, представляется явно и постоянно, отсюда делается вывод, - будто первичная и всеобщая материя есть лишь придаток в виде опоры в форме» [63, с. 219]. То есть первое место было отведено форме. Бэкон же, исходя из многокачественности материи, обосновывает приоритет материи над формой, их единство.

По признанию Канта, трансцендентальное познание занимается не столько предметом, сколько видами познания, именно это и вызывает недоумение, почему среди сведенных им в таблицу категории нет материи и формы. «То в явлении, что соответствует ощущениям я называю его материей, а то, благодаря чему многообразное в явлении...может быть упорядочено определенным образом я называю формой явления», заявляет Кант. И далее «Я называю чистыми (в трансцендентальном смысле) все представления, в которых нет ничего, что принадлежит к ощущению» [74, с. 128]. Именно поэтому в чистые понятия синтеза, которые рассудок содержит в себе априори, не отягощенных ощущениями, не вписывается материя и форма, а поэтому выпадает из таблицы

категорий. Кант не материалист, для него внешний мир (материя) лишь совокупность чувственных восприятий, упорядоченных с помощью априорных форм чувственности и рассудка. Однако, в Канте нас интересует не столько материя и форма, сколько «содержание» и «форма». Прямая связь не прослеживается, содержание сопутствует многообразному. Рассматривая способ открытия частных рассудочных понятий, Кант все чаще использует понятие «содержание». Частные рассудочные понятия наполняются многообразным в чувственности, без которого они не имели бы «никакого содержания» [73, с. 173].

Наши представления должны быть уже даны раньше всякого их анализа, и ни одно понятие не может по содержанию возникнуть аналитически [73, с. 173]. Если это так, то каким образом? Кант отвечает, через «синтез многообразного», оно дано эмпирически или априорно. Именно синтез есть то, что «составляет из элементов знание и содержание» [73, с. 173]. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что Кант осуществил переход от чувственно-данного многообразия (синтезированная материя) к содержанию.

Дальнейшая разработка взаимодействия содержания и формы принадлежит Гегелю. В «Науке логики», в разделе о сущности, Гегель наряду с «формой и сущностью», «формой и материей», рассматривает «форму и содержание». Если исследователи на более ранних этапах относительно последнего ограничивались преимущественно «намёками», то Гегель впервые прямо и обстоятельно рассматривает диалектику содержания и формы. Он отмечает, что содержание имеет некоторую форму и некоторую материю, принадлежащие ему, «существенные для него, оно их единство» [51, с. 83]. Во-вторых, содержание – это то, что тождественно в форме и материи, так что «форма и материя суть как бы лишь – безразличные внешние определения» [51, с. 85]. В содержании, в снятом виде, они возвращаются в свое единство или в свое основание. Взаимопереход или, точнее, взаимопревращение содержания в форму и наоборот, – важнейший момент, характеризующий гегелевскую систему категории в целом.

Конспектируя «Науку логики», В. И. Ленин замечает, «Эту суть надо было открыть, понять... вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» [1, с. 127].

В одной из ранних работ («Дебаты по поводу закона о краже леса») Маркс обращает внимание на несоответствие содержания закона «бессодержательной форме». Содержание предопределено законом, а «форма лишена всякой ценности, если она не есть форма

содержания» [74, с. 159]. В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс, следуя за Гегелем, окунулся в мир категорий: сущности и явления, тождества, различия и разности, абстрактного и конкретного, случайности и необходимости, целого и части, внешнего и внутреннего. Наиболее обстоятельно рассматривается категория формы и содержания, надо полагать, по причине наибольшего совпадения с природой исследуемого предмета – права.

Собственно, об этом говорил и сам Гегель в предисловии к «Философии права». «В науке содержание существенно связано с формой» [75, с. 45]. И он же отмечает, «Форма в ее конкретнейшем значении есть разум как постигающее в понятиях познание, а **содержание** есть разум как субстанциальная сущность, нравственной и природной действительности; осознанное тождество обоих есть философская идея» [75, с. 55]. Маркса привлекает не диалектика сама по себе, сколько возможность раскрыть через нее внутреннее состояние, процессы, структуры, образующие содержание объекта изучения. В теоретической конструкции гегелевской философии права в части государства развивается лишь государственный формализм. «Собственным **материальным** принципом, по словам Маркса, - является у него идея, абстрактная логическая **форма** государства, рассматриваемая как субъект, абсолютная идея не содержащая в себе никакого пассивного, никакого материального момента. По отношению к абстракции этой идеи все определения действительного, эмпирического государственного формализма выступают как **содержание**, а **действительное** содержание, в силу этого, выступает как бесформенная, неорганическая материя (сюда относится действительный человек, действительное общество и т. д.)» [74, с. 354 – 355].

О результатах критического пересмотра гегелевской философии права Маркс писал впоследствии: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях» [76, с. 321]

Энгельс в «Диалектике природы» особо не выделяет «содержание и форму» как, например, «необходимость и случайность», но дает развернутую характеристику форм движения материи. Наипростейшая форма движения – механическая, которая переходит в физическую («физика небесных тел»), при определенных обстоятельствах появляется химическая («ключ к истинной природе изменения наиважнейших тел») она и подводит к органической

жизни. Переходящие друг в друга формы движения являются вместе с тем и их классификацией.

Вся органическая природа является сплошным доказательством «тождества или неразрывности формы и содержания» [49, с. 619]. Иллюстрируя это утверждение, Энгельс на конкретных примерах показывает, как в процессе взаимодействия внешних и внутренних способов соединения элементов содержания образуется новая структура, которая выражается и фиксируется в категории «форма». Неразрывность формы и содержания, их органическая взаимозависимость и взаимопереход не снимают вопроса об определяющем. В марксистской литературе ответ однозначен – содержание. Содержание представляет собой единство всех элементов объекта, процессов и свойств, а форма структура содержания.

Развивая диалектико-материалистическое понимание содержания и формы, В. И. Ленин определяет империализм как «капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [77, с. 387]. «Империализм есть капитализм», в то же время не совсем капитализм. Изменения в структуре не меняют его природу, содержание, но указывают «историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще». В этом смысле империализм есть современная форма капитализма. А как смотрится современная форма в странах классического капитала спустя столетие? Все признаки капитала в своем развитии достигли апогея.

Контрреволюционный переворот 1991 года завершил развал мировой системы социализма и знаменовал возврат капитализма. С формой понятно, а содержание «не дотягивает» до высшей исторической стадии по причине аномального рождения и сохранившихся межимпериалистических противоречий.

Разрешение противоречий между содержанием и формой может протекать по-разному, так ошибки и недостатки «левых коммунистов» в области практики Ленин рассматривает в неумении применения марксистской диалектики.

Они оказались людьми, «не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием» [78, с. 188]. Ленин разъясняет, что разрешение противоречия между формой и содержанием должно носить диалектический характер. Если под давлением содержания «старые

формы лопнули», появление новых неизбежно, но сохранившиеся, даже вопреки изменившемуся содержанию, могут и должны стать орудием «полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма» [78, с. 89].

Как показал исторический опыт, некоторые формы до конца не стали орудием в строительстве нового общества, были поспешно сняты и превратились в свою противоположность. Отказ от диктатуры пролетариата и переход к демократическим формам правления поспособствовал овладению рычагами управления «пятой колонной», как следствие – ликвидация Советской власти, установление диктатуры олигархов.

Левые доктринеры увязли на отрицании определенных старых форм, отмечает Ленин, не видят, что «новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы» и наша обязанность овладеть всеми формами «научиться с максимально быстротой дополнять одну форму другой» [78, с. 89]. Тем не менее, «детская болезнь левизны» дает знать о себе до наших дней не только в комдвижении дальнего Зарубежья, но и на постсоветском пространстве, о чем свидетельствует коммунистическая многопартийность. «Детская болезнь» – это, прежде всего, незрелость верхов, неспособность преодолеть амбициозность и лидерские притязания, образующие затор на пути к объединению (лучше слиянию) коммунистических партий в одну. Но даже «слившиеся», как это произошло в КПСС, и, сохранив в названии республиканской «РКРП - КПСС», оба субъекта комдвижения дают повод сомневаться в прочности объединения. Налицо несоответствие содержания («целей и задач») организационному воплощению – форме. Объединившись и демонстративно сохранив в названии составные части, как бы сигнализируют о готовности разбежаться.

Короче, левые в борьбе за власть могут и должны использовать те формы, в которых противник не способен подменить содержание, да так, чтобы в очередной раз не позволить им на чужом горбу (форма) въехать во властвующий рай.

Литература

- 1 Ленин В.И.. Полн. собр. соч. 5-е изд. – Т.29.
- 2 Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. – М. : Гос. изд. литер, 1955. – 567 с.
- 3 Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. – М. : Изд. полит. лит., 1963. – 544 с.
- 4 Диалектический материализм / под ред. А. Д. Макарова и др. – М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1962. – 472 с.
- 5 Спиркин А. Курс марксистской философии / А. Спиркин. – М. : Мысль, 1966. – 542 с.
- 6 Шептулин А. П. Категории диалектики / А. П. Шептулин. – М. : Изд-во «Высшая школа», 1971. – 280 с.
- 7 Основы марксистско-ленинской философии. – М. : Политиздат, 1978. – 463 с.
- 8 Спиркин А. Г. Философия : учебник / А. Г. Спиркин. – М. : Гардарики, 2004. – 736 с.
- 9 Вопросы философии. – 2004. – №12.
- 10 Ситковский Е. П. Ленин о совпадении диалектики, логики и теории познания / Е. П. Ситковский // Вопросы философии. – 1956. - №2.
- 11 «Вопросы философии». – 2001. – №5.
- 12 Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма / В. П. Тугаринов. – Л. : Изд-во Ленинградского унив-та, 1956. – 120 с.
- 13 Черкесов В. И. Материалистическая диалектика как логика и теория познания / В. И. Черкесов. – М. : Изд-во МГУ, 1962. – 475 с.
- 14 Нарский И. С. Актуальные проблемы марксистской теории познания / И. С. Нарский. – М. : «Знание», 1966. – 48 с.
- 15 Философия / под ред. В. Н. Лавриненко. – М. : Юрист, 2007. – 506 с.
- 16 Введение в философию : учебник для вузов в 2-х частях / под ред. И. Т. Фролова. – Ч. 2. – М. : Политиздат, 1990. – 639 с.
- 17 Алексеев П. В. Философия : учебник / П. В. Алексеев, А. В.Панин. – М. : Проспект, 2004. – 608 с.
- 18 Философия : курс лекций / под ред. В. Л. Калашникова. – М. : Владос, 1999. – 384 с.
- 19 Бондарь Н. Г. Методологическое значение ленинского принципа неисчерпаемости материи / Н. Г. Бондарь. – М. : Мысль, 1976. – 94 с.

- 20 Кохановский В. П. Философия / В. П. Кохановский, Л. В. Жаров, В. П. Яковлев. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2002. – 192 с.; Философия / Автор – сост. А. В. Якушев. – М. : «А-приор», 2008. – 240 с.; Алексеев В. О. Философия / В. О. Алексеев, Н. А. Малышина, Н. А. Мельникова. – М. : Эксмо, 2008. – 160 с.; Стрельник О. Н. Философия / О. Н. Стрельник. – М. : Высшее образование. Юрайт, 2009. – 187 с.
- 21 Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. – М. : Мысль, 1989. – Т.1. – 656 с.
- 22 Гельвеций К. А. Сочинения в 2-х томах. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – 647 с.
- 23 Ленин В. И. Полн.собр. соч. – Т.18.
- 24 Орлов В. В. Материя, развитие человека. / В. В. Орлов. Часть 2. – Пермь : Пермский госуниверситет, 1974. – 394 с.
- 25 Вопросы философии. – 2004. – №2.
- 26 Вопросы философии. – 2004. – №5.
- 27 Соколов В. В. Ответы (и комментарии) на вопросы журнала «Вопросы философии» / В. В. Соколов // Вопросы философии. – 2009. – №11.
- 28 Ойзерман Т. И. Основные вопросы философии / Т. И. Ойзерман // Вопросы философии. – 2005. – №11.
- 29 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21.
- 30 Философия / под общей редакцией В. В. Миронова. – М. : Норма, 2005. – 928 с.
- 31 Всемирная энциклопедия. Философия. / ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : Аст, Мн. : Харверст, 2001. – 1312 с.
- 32 Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз, 1983. – 816 с.
- 33 Философская энциклопедия. В 5-ти т. – М. : Сов. энциклопедия, 1970. – Т.5. – 740 с.
- 34 Философская энциклопедия.. – М. : Сов. энциклопедия, 1962. – Т.2 – 575 с.
- 35 Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
- 36 Кохановский В. П. Философия : конспект лекций / В. П. Кохановский, Л. В. Жаров, В. П. Яковлев. – Ростов-н/Д., 2002. – 192 с.
- 37 Кальной И. И. Философия для аспирантов / И. И. Кальной, Ю. А. Сандулов. – Спб. : Изд-во «Лань» , 2003. – 512 с.
- 38 Наглядные средства в преподавании философии. – М. : МГУ, 1976. – 69 с.

- 39 Вопросы философии. – 2009. – №11.
- 40 Ланин Н. Н. Тезисы о марксизме- ленинизме с позиции определяющего человеческого фактора / Н. Н. Ланин. – Павлодар : ТОО НПФ «ЭКО», 2004. – 46 с.
- 41 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21.
- 42 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.13.
- 43 Ланин Н. Н. Призвание как категория социальной философии / Н. Н. Ланин. – Алма-Ата : «Гылым», 1994. – 238 с.
- 44 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.19.
- 45 Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т. 26.
- 46 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.3.
- 47 Бушин В. Гении и прохиндеи / В. Бушин. – М. : Алгоритм, 2003. – 464 с.
- 48 Антология мировой философии в 4-х т. – М., 1969. – Т.1 – Ч. 1, 2. – 936 с.
- 49 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20.
- 50 Юм Д. Соч. в 2-х т. – М. : Мысль, 1965. – Т. 1. – 847 с.
- 51 Гегель. Наука логики. В 3-х т. – М. : Мысль, 1971. – Т. 2. – 248 с
- 52 Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм / ред. кол. А. Д. Макаров и др. – М. : Мысль, 1970. – 367 с.
- 53 Рузавин Г. И. Философия науки : уч. пособие / Г. И. Рузавин. – М. : Юнити-Дана, 2008. – 183 с.
- 54 Кохановский В. П. Основы философии науки / В. П. Кохановский, Т. Г. Лишкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи. – Ростов-н/Д. : «Феникс», 2004. – 604 с.
- 55 Зиновьев А. А. О русской катастрофе. Из бесед с Виктором Кожемяко / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2009. – 240 с.
- 56 Зиновьев А. А. Русская трагедия / А. А. Зиновьев. – М. : Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. – 608 с.
- 57 Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1994. – 495 с.
- 58 Советская Россия. – 2006. – 16 мая.
- 59 Вопросы философии. – 2007. – №4.
- 60 Материалы 29-го съезда КПСС. – М., 1993.
- 61 Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т.1.
- 62 Материалисты древней Греции / под ред. М. А. Дынника. – М. : Госполитиздат, 1955. – 239 с.
- 63 Антология мировой философии. В 4-х т. – М. : Мысль, 1970. – Т. 2. – 776 с.

- 64 Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти т. – М. : Гос. изд. полит. литер., 1956. – Т. 2. – 824 с.
- 65 Гольбах М. А. Избранные произведения в 2-х т. – М. : Изд-во соц.-эк. лит., 1967. – Т. 1. – 716 с.
- 66 Байдуrowsкий К. В. Случайные связи / К. В. Байдуrowsкий // Вопросы философии. – 2005. - №12.
- 67 Манчур Е. А. О природе случайности / Е. А. Манчур, Ю. В. Чайковский // Вопросы философии. – 2003. - №2.
- 68 Сизымская И. Н. Об исторической необходимости как равнодействующей множества воли / И. Н. Сизымская, Л. Н. Толстой. // Вопросы философии. – 2010. - №9.
- 69 Родин Е. И. Теория категорий и поиски новых математических оснований физики / Е. И. Родин // Вопросы философии. – 2010. - №7.
- 70 Звезда Прииртышья. – 2011. – 10 марта.
- 71 Новое время. – 2003. – №13 – 2 апреля.
- 72 Аристотель. Соч. в 4-х т. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
- 73 Кант И. Соч. в 6-ти т. – М. : Мысль, 1963. – Т.3. – 543 с.
- 74 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.1.
- 75 Гегель. Философия права. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
- 76 Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. – М., 1952. – Т. 1.
- 77 Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 27.
- 78 Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 41.

Приложение А (обязательное)

Тестовые задания по теме «Категории диалектики»

1. Категории диалектики:

- А) это предельно широкое понятие;
- В) это частное понятие;
- С) это понятие повседневности;
- Д) это метафоры;
- Е) стихотворные слоги

2. Какие виды категорий существует?

- А) частные;
- В) общие;
- С) научные;
- Д) всеобщие.

3. Какие три смысла вкладываются в понятие «диалектика»?

- А) развитие и изменение объективного, внешнего мира;
- В) развитие и изменение человеческого сознания (внутреннего мира);
- С) развитие самой процедуры познания мира;
- Д) развитие и изменение общества;
- Е) развитие природы.

4. Какие три этапа, по мнению Ф. Энгельса, прошла в своей эволюции диалектика?

- А) наивная диалектика Античности;
- В) диалектика Канта;
- С) диалектика Гегеля;
- Д) идеалистическая диалектика;
- Е) материалистическая диалектика.

5. Какие варианты правильных ответов существует на вопрос о том, что есть «развитие»?

- А) прогрессивное развитие предметов, явлений;
- В) регрессивное развитие предметов, явлений;
- С) процесс качественного изменения системы в результате ее самодвижения;

D) необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов;

E) процесс количественного изменения системы.

6. Что есть развитие через призму таких наук, как синергетика, кибернетика, информатика, общая теория систем?

A) процесс отражения, сопровождаемый упорядочением связей;

B) накопление и передача информации;

C) только передача информации;

D) возникновение новых элементов и структур;

E) усложнение или упрощение организующихся предметов и систем;

F) не только необратимые, но и обратимые процессы;

G) только необратимые процессы;

H) только обратимые процессы.

7. В процессе развития закон единства и борьбы противоположностей раскрывает:

A) направленность;

B) постепенность;

C) линейность;

D) механизм;

E) источник.

8. Выделите группу категории выражающих содержание закона единства и борьбы противоположностей:

A) субстанция, причинность, взаимодействие;

B) различие, противоположность, противоречие;

C) отрицание, отрицание отрицания, снятие;

D) качество, количество, мера;

E) возможность, действительность, вероятность.

9. Почему закон единства и борьбы противоположностей В. И. Ленин назвал ядром диалектики?

A) указывает направленность развития;

B) фиксирует источник движения и развития;

C) характеризует возможные формы развития;

D) фиксирует сам факт развития.

10. Что такое закон (философский аспект данного понятия)?

- А) выражение необходимых, существенных отношений между явлениями;
- В) выражение устойчивых, повторяющихся отношений между явлениями;
- С) выражение любых отношений между явлениями.

11. Какие формы изменений возможны с точки зрения закона количества-качества?

- А) постепенные - скачкообразные (мгновенные);
- В) эволюционные - революционные;
- С) непрерывные - прерывные.

12. Что такое качество?

- А) внутренняя определенность вещи;
- В) то, что делает данную вещь непохожей на все остальное;
- С) жесткость связей между элементами, составляющими структуру предмета;

13. Что такое мера?

- А) предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества;
- В) показатель соотношения количества и качества в предмете, системе;
- С) показатель того, сколько количества нужно добавить к имеющемуся количеству, чтобы произошел переход в новое количество;
- Д) характеристика качества предмета.

14. Сущность категории мера:

- А) переход количественных отношений в качественных;
- В) переход от одного качества к другому;
- С) граница, где происходит количественные изменения соответствующие данному качеству;
- Д) накопление количественных изменений;
- Е) отрицание старого новому.

15. Развитие согласно закону отрицания отрицания происходит:

- А) зигзагообразно;
- В) стихийно;

- С) по прямой;
- Д) по кругу;
- Е) по спирали.

16. Назовите два варианта скачкообразных изменений.

- А) постепенные;
- В) мгновенные;
- С) заметные;
- Д) незаметные.

17. В процессе развития закон отрицания отрицания раскрывает:

- А) механизм;
- В) линейность;
- С) постепенность;
- Д) источник;
- Е) направленность.

18. что означает термин «отрицание»?

- А) сохранение всего положительного из предыдущего состояния системы;
- В) устранение всего ненужного, устаревшего;
- С) рождение и утверждение нового;
- Д) полное обновление системы.

19. Суждение характерное для научно-философского определения материи:

- А) материя – есть идея любой вещи, ее сущность;
- В) материя – есть реальность наших мыслей, чувств, ощущений самих по себе;
- С) материя – есть объективная реальность, отражаемая нашим сознанием;
- Д) материя – есть вещество, образующая вещи и явления;
- Е) материя – есть совокупность наших ощущений объективного мира.

20. Атрибут материи характеризующий протяженность, структурность материальных систем есть:

- А) развитие;
- В) время;
- С) пространство;

- D) покой;
- E) движение.

21. Атрибут материи характеризующий длительность существования, последовательность смены состояний материальных систем, есть:

- A) покой;
- B) движение;
- C) отражение;
- D) время;
- E) пространство.

22. Пространство и время в научно-философском понимании это:

- A) «вместилище атомов»;
- B) природные формы чувственности;
- C) формы индивидуального сознания;
- D) отношение между объектом и процессами;
- E) атрибуты и формы бытия материи.

23. Согласно атрибутивной концепции материи, движение:

- A) абсолютно;
- B) прерывно;
- C) равноценно покою;
- D) совершается по кругу;
- E) временно.

24. Назовите две точки зрения о взаимоотношениях понятий «движение», «изменение», «развитие».

- A) «движение» и «изменение» являются более широкими по объему понятиями, чем «развитие»;
- B) просто фиксация связей между внутренними элементами предметов, вещей;
- C) «движение», «изменение», «развитие» – совпадающие, однопорядковые понятия;
- D) «развитие» – более широкое по объему понятие, чем «движение» и «изменение»;
- E) эти понятия вообще никак не соотносятся друг с другом.

25. Философское направление утверждающее, что в основе мира два начала – материя и сознание:

- A) скептицизм;
- B) плюрализм;
- C) дуализм;
- D) монизм.

26. Элементы сознания образующие ядро его структуры:

- A) память;
- B) ощущение, восприятие, представления, понятие, мышление;
- C) чувства, эмоции;
- D) акт внимания;
- E) инстинкты.

27. Какой вариант из предложенных ниже суждений по поводу сущности сознания присущ вульгарным материалистам?

- A) сознание есть свойство всякой материи;
- B) сознание есть жидкость, выделяемая мозгом;
- C) сознание есть свойство живой материи.

28. Выберите три наиболее характерных признака сознания.

- A) по содержанию сознания больше субъективно, чем объективно;
- B) по содержанию сознания больше объективно, чем субъективно;
- C) сознание имеет видимый механизм работы;
- D) сознание идеально по механизму функционирования;
- E) сознание идеально (невидимо) по форме выражения;
- F) сознание материально по форме выражения.

29. Сознание и мышление - это одно и то же?

- A) нет;
- B) да.

30. Из каких трех частей состоит бессознательное?

- A) из надсознательного;
- B) сознательного;
- C) подсознательного;
- D) сверхсознательного (надсознательного).

31. Что такое сущность?

А) совокупность всех частей, связей данной вещи, предмета, системы;

В) совокупность наиболее устойчивых, повторяющихся связей и элементов данной вещи, системы.

32. В высказывании «Глубинное течение реки на ее поверхности выступает в виде обратного течения у берегов, водоворотов, пены и т. д.», связь между явлениями выражается парными категориями:

А) возможности и действительности;

В) сущности и явления;

С) содержания и формы;

Д) причины и следствия;

Е) необходимости и случайности.

33. Категория выражающая внешние, наблюдаемые характеристики предмета, процесса есть:

А) явление;

В) сущность;

С) случайность;

Д) возможность;

Е) содержание.

34. Нахождение общего в единичном обязательно говорит нахождении сущности данного единичного явления?

А) да;

В) нет.

35. Что характеризует общее в отдельном единичном предмете, явлении?

А) то, что отличает одно единичное явление от другого;

В) то, что объединяет данные единичные явления со всеми остальными.

36. Близки ли понятия «сущность» и «закон»?

А) да;

В) нет.

37. Сущность всегда богаче явления?

А) да;

В) нет.

38. Кому принадлежит известная формула «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности первого порядка, второго, третьего и т.д. без конца»?

- A) И. Канту;
- B) Г. Гегелю;
- C) Ф. Энгельсу;
- D) К. Марксу;
- E) В. И. Ленину.

39. Всегда ли причина предшествует следствию?

- A) да;
- B) нет.

40. Могут ли меняться местами в связи с изменением условий причина и следствие?

- A) да;
- B) нет.

41. Совпадают ли понятия «причина» и «повод»?

- A) да;
- B) нет.

42. Какие виды причинных связей существовали в историческом контексте в процессе поиска сущности понятия «причинность»?

- A) прямая связь;
- B) косвенная (вероятностная) причинная связь;
- C) обращенная причинность.

43. Все ли причинные связи имеют обращенный характер?

- A) да;
- B) нет.

44. Могут ли существовать беспричинные явления?

- A) да;
- B) нет.

45. Что такое возможность?

- A) существование нового в его потенциальном состоянии;
- B) реализованное потенциальное состояние.

46. Как называется возможность, для реализации которой условия еще не созданы (не созрели, отсутствуют)?

- A) абстрактная, формальная;
- B) реальная.

47. Что сначала меняется в предмете форма или содержание?

- A) форма;
- B) содержание.

48. Может ли одно содержание выражаться несколькими формами?

- A) да;
- B) нет.

49. Могут ли форма и содержание меняться местами в связи с изменениями соответствующих условий?

- A) да;
- B) нет.

50. Кто такие фаталисты в связи с рассмотрением категориальной пары «необходимость - случайность»?

- A) те, кто считает все явления в мире случайными;
- B) те, кто рассматривает все явления в мире как жестко заданные, необходимые.

51. Бывают ли абсолютно случайные или абсолютно необходимые явления?

- A) да;
- B) нет.

52. Возможен ли в процессе развития переход случайного в необходимое и наоборот?

- A) да;
- B) нет.

53. Какие существуют типы противоречий?

- A) основные – второстепенные;
- B) внутренние – внешние;
- C) системные – внесистемные;
- D) антогонистические – неантогонистические;
- E) существенные - несущественные.

Правильные ответы:

1 - A;	19 - C;	36 - A;
2- A, B, D;	20 - B;	37 - B;
3 - A, B, C;	21 - D;	38 - E;
4 – A, C, E;	22 - D;	39 - A;
5 - A, C, D;	23 - A;	40 - A;
6 - A, B, D, E, F;	24 – A, B;	41 - B;
7 - E;	25 - C;	42 – A, B, C;
8 - B;	26 - B;	43 - A;
9 - B;	27 - B;	44 - B;
10 - A,B;	28 – B, D, F;	45 - A;
11 – A, B, C;	29 – A;	46 - A;
12 –A, B, C;	30 – A, B, C;	47 - B;
13 – A, B, C;	31 - B;	48 - A;
14 - E;	32 - B;	49 - A;
15 - E;	33 - A;	50 - B;
16 - A, B;	34 - B;	51 - B;
17 - E;	35 - B;	52 - A;.
18 – A, B, C;		53 – A, B, D

Содержание

	Введение.....	3
1	Вокруг категорий диалектики.....	4
2	Материя, но не ткань.....	13
3	Осознание сознания.....	20
4	Причина и следствие.....	29
5	Необходимость и случайность.....	36
6	Содержание и форма.....	43
	Литература.....	50
	Приложение А.....	54